

Владимир Брисов

«МИРАЖИ АРАЛКУМА»

*Если Восток – загадка,
то женщина Востока – загадка в загадке.*

№ 1. ЧЕСТНЕЕ СКАЗАТЬ: «УКРАСТЬ»

Эта история началась в Москве, в один из тёплых дней «бабьего лета». В кабинет Бориса я шёл по ярко освещённому длинному коридору. Сотрудница ресепшен уже минуты две рисовала передо мной восьмёрки своими развитыми формами, втиснутыми в юбку. Иногда, она делала отчаянные попытки перейти на официальный шаг, соответствующий униформе клерка: белый верх – чёрный низ. Но исполнять танец, напоминающий математический знак бесконечности, было намного интереснее, особенно перед незнакомцем, приглашённым самим шефом.

Мы остановились уже у третьей двери. И снова девушка набрала код, с улыбкой сообщив мне, что это уже последняя преграда. Да, подумал я, в случае появления силовых структур, в смысле, структур, силой отбирающих имущество, у владельца фирмы найдётся пара минут для звонков высоким покровителям. Прежде, чем маски ворвутся в кабинет.

- Борис Андреевич! К вам господин Цепелев Дмитрий Олегович, - сообщила девушка по внутренней связи.

Невысокий светловолосый крепыш лет сорока, одетый в нью-йоркском стиле – дорого и неброско, привстал, приветствуя меня, и указал на кожаное кресло, стоящее у Т-образного стола. Его холодные прищуренные серые глаза внимательно сканировали меня из-под затемненных стекол очков. У него был взгляд патологоанатома, рассматривающего внутренние органы трупа.

Неужели так плохо обстоят дела, - ухмыльнулся я про себя, - утром в ванне, глядя в зеркало, мне казалось, что я ещё на что-то способен.

- Чай, кофе?

- От кофе не откажусь, спасибо.

Он поднял трубку: - Замира, голубушка, приготовьте нам кофе.

И, обращаясь ко мне: - Кстати, не пойму этой последней языковой реформы, почему кофе перевели в средний род. Тогда уж можно и дальше пойти и говорить «без пальта». Помните, как пелось, в каком-то старом фильме: «у тебя нет тёплого платочка, а у меня нет зимнего пальта».

- Общее обыдление, когда, так называемый, бомонд состоит из авантюристов - покорителей столицы. Им проще адаптировать общество под свой уровень, чем самим тянуться вверх. Вы заметили, что официанты теперь желают клиентам «приятного».

- «Приятного» чего? - не понял Борис.

- Вот и я поинтересовался, что это значит. Ну, «приятного» вообще,

объясняли мне менеджеры в кафе. «Приятного аппетита» приезжим официантам сложнее выговаривать. И добавляли, что у клиентов это не вызывает вопросов. Когда я употребляю в речи московские словечки, меня собеседники зачастую не понимают и спрашивают: это на каком? На блатном что ли?

- Да, дело не только в искажении языка, искажается и правовая основа и нормы принятые в цивилизованном мире - подхватил Борис, - в нашем королевстве кривых зеркал никого уже не удивляет, что должности делятся по местечковому принципу – вместе жили, вместе учились. Многие территории перешли на семейный подряд: чиновник, особо не прячась, отправляет бюджетные деньги на фирму жены, а потом указывает в декларации о доходах, что живёт на «три корочки хлеба». Страна вульгарного прагматизма, но может это и хорошо, - добавил он с улыбкой, - умеешь плавать – выплывешь. Я, например, не боюсь заплывать далеко, за деньги здесь всегда протянут спасательный круг.

- Дворянам с детства внушалось, - возразил я, - что быть не комильфо означало потерять достоинство. Люди стрелялись из-за своих ошибок или проявленной слабости. После революции ещё оставались чиновники, способные застрелиться. При Брежневе им уже помогали поднести пистолет к виску. А нынешним дворнягам проще поехать и перестрелять где-нибудь в магазине случайных покупателей, чем уйти достойно и поставить «точку пули в своём конце».

Борис слушал, молча, продолжая приглядываться ко мне. А я в свою очередь осматривал его кабинет: сувениры из разных уголков мира, атрибуты культовой культуры разных народов – миниатюрные фигурки Будды из дерева и камня, композиция из фарфора – руки, держащие развёрнутый Коран, ханукальный подсвечник, старинная русская икона, коллекционные книги на русском, арабском, латинском, иврите и т.д.

- Мотаюсь по миру, и не только по работе, интересно узнать, как и чем люди живут, - заметив моё любопытство, пояснил он, - да и вы тоже, как мне сказали, заядлый путешественник.

- Скорее дауншифтер, скиталец, бродяга. Мои поездки это просто бегство от самого себя.

- Мне говорили, вы не только скитаетесь, - он улыбнулся, - но ещё оказываете помощь в приобретении недвижимости в каких-нибудь благословенных местах – это ваш бизнес. Наши сограждане всё больше растекаются по миру. Многие не хотят, даже боятся встречать старость в России.

- Да, - кивнул я, - люди больше думают о комфорте, о стабильности, то есть о том, чего здесь нет по определению. И я немного помогаю им, опираясь на знакомых в разных странах. Однако оказалось, недвижимость подвержена сильным ценовым колебаниям, не меньшим, чем золото. Поэтому мой небольшой бизнес сильно штормит в условиях кризиса. Чаша весов всё чаще склоняется к вложению денег в предметы антиквариата, которые, как показывает практика, только дорожают. Проблема в риске выбора. Что покупаешь, подлинник или талантливую копию, срисованную с

шедевра? В определённом смысле любая подобная покупка - это кот в мешке. Вы знаете, что на 600 картин реально нарисованных великим французским пейзажистом Коро, приходится 3 тысячи, приписываемых ему, только на американском рынке. Айвазовский официально числил за собой 6 тысяч полотен, а по коллекциям мира их насчитывается в десять раз больше. Казимира Малевича и русский авангард начала прошлого века вообще боятся брать на аукционы из-за непомерного количества подделок. Да что далеко ходить, недавняя история с картиной Кустодиева, купленной одной из фирм Виктора Вексельберга на аукционе Christie's в Лондоне. По мнению наших светил из Научно-реставрационного центра Грабаря, Русского музея и Третьяковской галереи, на этом авторитетном аукционе Вексельбергу всучили подделку. Хотя специалистам известно, что картины Бориса Кустодиева подделываются крайне редко. А ведь за «Обнажённую в интерьере» или «Одалиску», как её многие называют, было выложено почти 3 миллиона долларов. Если продажа подделок возможна в аукционных домах Christie's и Sotheby's, то что говорить о нашей стране. Один из лучших в мире специалистов-искусствоведов из Третьяковки говорил мне, что у нас в Питере действует организованная группа художников-фальсификаторов...

- И тут питерские успели, - хмыкнул Борис, перебивая меня, - с этим-то что ОН делал вместе? В детстве заборы расписывал народным фольклором? На коллег по «органам безопасности» они явно не тянут.

- ... закончивших Академию художеств, - продолжил я, - и применяющих новейшие компьютерные методы и последние достижения химии в «производстве» подделок и старении картин. Эта группа поддерживает тесные связи с эмигрантами из России по всей Европе.

Я не случайно перевёл разговор на тему market предметов антиквариата. Меня интересовала реакция Бориса. Пока что он показал свою осведомлённость в моих делах. Мне предстояло сделать ответный ход.

Он напрягся при неожиданном повороте нашей беседы и хотел что-то сказать, но в кабинет вошла стройная женщина восточной внешности, везя на сервировочном столике кофейник, две чашечки и набор восточных сладостей.

- Уверю, такого кофе, Дмитрий, вы не найдёте в кофейнях Москвы. Замира имеет свой личный секрет, который не доверяет никому. Я очень ценю её умение готовить чай и кофе. Поверьте, иногда в кресле, в котором сидите вы, сидят очень высокопоставленные и уважаемые люди.

- Так всё-таки высокопоставленные или уважаемые? В первом случае появляется желание немедленно пересесть. Боюсь, знаете ли, запачкаться. Вот кофе действительно хорош. Хотя самый вкусный я пил в Иерусалиме, в небольшой арабской кофейне. Туда меня привёл гид еврей, с которым здоровались все местные арабы. Он знал об Иерусалиме намного больше, чем сарацины и крестоносцы, вместе взятые и, уж конечно, знал, где готовят лучший кофе. Кстати Восток это колоссальный рынок и раритетов, и подделок. До лондонских масштабов, конечно ещё

далеко, но и здесь «тяга к прекрасному» очень велика. Причём, если раньше предметы антиквариата только вытекали из этого региона, то последние десятилетия в хранилища шейхов, обезумевших от нефтяных доходов, идёт сильный встречный поток художественных и культурных ценностей. – Я продолжал стрелять словами в одну и ту же точку, замечая, с каким удивлением Борис поглядывает на меня.

- Вы интересный собеседник, Дмитрий, но давайте всё-таки приближаться к цели нашей встречи. Вы ведь специалист по Средней Азии и, в частности, по Узбекистану? Наш общий знакомый откомендовал вас именно так.

- Боюсь, это преувеличение, хотя ряд мест знаю неплохо. Хорошо уже то, что вас интересует Узбекистан, а не пребывающая в состоянии хаоса Киргизия, - улыбнулся я. - Относительно Узбекистана: могу вам прочесть лекцию о населении, которое составляет примерно 28 миллионов человек, и равно населению Казахстана, Туркменистана и Таджикистана вместе взятых. Могу дать информацию по территории Узбекистана, равной Швеции или почти трём Тунисам. Могу замучить вас цифрами и фактами по рождаемости, сельскому хозяйству. Это довольно большая страна, конкретизируйте ваши интересы, иначе впустую потеряем время.

- Меня интересует Каракалпакия, точнее её столица Нукус.

- Уже почти конкретно. Но давайте определим ваши бизнес-планы. Ведь речь идёт о коммерции, я надеюсь, вы не собираетесь устраивать там цветные революции и формировать демократическое общество? Или, может быть, вам не дают покоя лавры Генриха Шлимана, открывшего Трою? Кстати, могила Чингиз-хана так и не найдена до сих пор.

Борис покачал головой, отклоняя мои предположения. Возникла некая театральная пауза.

Я сделал вид, что теряюсь в догадках. И, после недолгого подражания роденовской скульптуре «мыслитель», высота которой, кстати, соответствует моему росту -1,81 метра, будничным тоном произнёс:

- Борис, кража картин из музея искусств имени Савицкого задача не из простых.

- Как вы догада...? Я имею в виду, это что, так легко вычисляется? - Борис закашлялся. - Так вы уже догадывались о теме нашей встречи, то-то я смотрю, вы всё время переводите разговор на темы рынка произведений искусства.

Я улыбнулся: - Идя на встречу с вами, я, конечно, поинтересовался направлениями вашей деятельности. Вы предприниматель с зарубежным опытом. Дела ваши в настоящее время идут неважно, да оно и понятно – кризис. И вы пытаетесь освоить новые для себя территории - заняться галеристикой в Турции и Эмиратах. А в дальнейших планах, как я понимаю, и страны Магриба. За минувшие полгода провели ряд встреч с их коллекционерами. Что ещё вас может завлечь в Каракалпакстан, как не уникальная коллекция живописи?

Это был блеф, мне не у кого было спрашивать о новых направлениях его бизнеса. Просто перед тем, как отправиться в кабинет Бориса вслед за

девушкой из ресепшена, я спросил, где можно причесаться и помыть руки. А находясь в кабинке туалета, не стал выскакивать из неё, когда услышал разговор двух молодых клерков о том, что опять назревает командировка на Восток, и кого интересно босс возьмёт с собой на этот раз, если в Турцию он брал такого-то, а в Эмираты другого и т.д. Я вспомнил популярный плакат с изображённой на нём революционной девушкой, прижавшей указательный палец к губам, и лаконичной надписью: «Не болтай!» Откровения молодых клерков мало что меняли, но могли увеличить сумму моего гонорара.

- А вообще все современные интересы похожи друг на друга, - с грустью заметил я, - они все связаны с кражей чего-то у кого-то. Вся разница в том, что, и у кого.

- А вы хорошо осведомлены о новом проекте моего бизнеса, кто же из окружения стучит?

- Будем считать этот вопрос риторическим. В отличие от государственной разведки, своих осведомителей не сдаю, - продолжал я понтишь.

- Чувствую, вы не оставили выбора, придётся брать вас в дело, платой за консультацию не отделаешься, - проворчал Борис, - тогда, по крайней мере, просветите меня по сегодняшней ситуации в музее и общей обстановке вокруг него.

- Есть оборотная сторона Луны, которую мы не видим с Земли. - Начал я издали, как в восточном тосте. - Есть на нашей планете страны, которые лежат за пределами общих мировых процессов. Мы мало представляем жизнь Африки, за границами пляжей Египта, Туниса и Кении. Реально мы не знаем, как живёт Азия, за пределами курортов Турции, Индии и Эмиратов. То есть, как и на луне, на нашей планете расположена своя невидимая часть. На Земле немало стран, где обитатель благополучной Европы не проживёт и нескольких минут, если он не приехал на танке.

Каракалпакстан - республика в составе Узбекистана, о существовании которой за её пределами не знает почти никто. Даже в интернете об этой территории практически отсутствует информация. Дороги, отели, туристические маршруты – ноль данных, zero, terra incognita.

Но в этом забытом пустынном краю миражей – есть реальное сокровище - Музей искусств имени своего создателя, уникального человека, променявшего уют московского Арбата на тяготы местной жизни, Игоря Витальевича Савицкого. Великий подвижник, эрудит, свободно владеющий французским, английским, потомственный российский интеллигент создаёт на пустом месте коллекцию мирового уровня, которой восхищаются и Миттеран, и Гор. Любые эпитеты: «азиатский Третьяков», «узбекский Гоген», «спаситель русского авангарда» применимы к этому человеку. Между прочим, в его роду, со стороны матери, был известный славист, историк, византист Флоринский.

Савицкий исколесил всю Советскую империю, собирая по крохам картины, скульптуры репрессированных, расстрелянных, отвергнутых

творцов России. В результате в музее насчитывается более 80 тысяч экспонатов. Тяжело болея, он не прекратил работать ни на минуту. Умер он в 1984 году. Похоронен на русском кладбище в Нукусе. И ещё одно соображение вдогонку. Все картины подлинны. Никому по понятным причинам в голову не могло прийти подделывать творенья осуждённых или гонимых.

- То есть, если я правильно вас понял, уникальное достояние России теперь находится в чужой стране и постепенно приходит в упадок. А может быть и растаскивается по частям?

- Я этого не говорил, но возможно и так. Только не забывайте, что мы сами это достояние прокляли и отнесли на свалку. Как писал кумир революционной молодёжи: «Белогвардейца найдёте – и к стенке. А Рафаэля забыли? Забыли Растрелли вы? Время пулям по стенке музеев тенькать».

- Чей кумир вы сказали? – спросил немного озадаченный Борис.

- Да неважно, - ответил я, - а теперь, когда картины пережили своих создателей и представляют мировой интерес, у «ценителей искусства» наворачиваются на глазах крокодилы слёзы по поводу национального достояния. Мы не хотим признавать заслуг тогдашнего руководства Узбекистана и Каракалпакии в лояльном отношении к подвижничеству Савицкого. Ведь не случайно музей возник именно там. Поэтому, если вы собираетесь покуситься на коллекцию музея, то честнее сказать «украсть», чем прикрываться заботой о спасении шедевров российской культуры.

- Знаете, с чего я начал свой многопрофильный бизнес? Мне нужно было помещение в одном НИИ. А директор, госплановской закваски человек - ни в какую. «Чтоб я этому пизьдисьмену ...», ну и т.д., вы понимаете. В общем, только через его труп. Мне его слова передавали сотрудники. Я же в то время работал простым стюардом на международных авиалиниях. Время было интересное – к некоторым людям деньги потекли, как из рога изобилия, и они просто хмелели от новых открывающихся возможностей.

Летим из Москвы в Эмираты. В салоне почти одна братва. Коньяки, виски, чёрная икра, осетринка, сёмужка – всё без счёта. После того, как налились спиртным, пошло выяснение, «чей дед был выше ростом». Слово `за слово, началась драка, обычная вещь в наших самолетах. Мы с напарником пытаемся, их успокоить. А тут ещё дед один полез разнимать и получил сильный удар в грудь. Разволновался. Плохо ему стало, потерял сознание. Я решил, что у него приступ стенокардии. Вытащили в служебный отсек, откачали, благо я заканчивал медицинский и лекарства имел.

Ну, народ ещё выпил, обмяк и заснул. А мы с напарником так дедушку всю дорогу и опекали, ему стало лучше. Долетели уже без приключений. Прощаемся с нашим дедом, и тут он достаёт из кейса деньги и вручает каждому из нас по десять тысяч зелёных. Оказывается, он был известный вор в законе, а в Эмиратах у них была сходка.

Покупаю на всю сумму солидный бриллиант и, вернувшись в Москву,

вручаю его тому директору – нелюбителю бизнесменов. Он так растрогался, стал говорить, что бизнесмены тоже люди, вспоминать, не было ли у нас общих друзей. И уже готов был выдать за меня свою засидевшуюся в невестах дочь, но я попросил всего лишь помещение и возможность использовать нужное мне оборудование. С тех пор раз в квартал я привозил ему бриллианты, причём он тщательно следил, чтобы каждый последующий был не меньше первого. Уйдя на пенсию, он уехал жить в Испанию. Как видите, я начал бизнес, никого не ограбив и ничего не украв.

- Что же сейчас вас побуждает отступить от своих принципов? Страх потерять привычный уровень жизни?

- Повторяю, я и сейчас не хочу никого грабить, не хочу сильно рисковать, я собираюсь законно или незаконно купить у них необходимые картины. Нужна хорошая связь с директором музея и крыша в местной милиции. Размер командировочных мы согласуем. Поездка займёт не более пяти дней.

- Боюсь, вы слишком оптимистичны. Из Москвы невозможно всё определить и спланировать. Как говорится, гладко было на бумаге, да забыли про овраги. В Нукусе у меня есть хорошие знакомые. Через три дня я буду готов предоставить информацию.

- Считайте, вы уже в деле. Предлагаю в воскресенье встретиться у Ник Ника и обсудить конкретику.

Я сам удивляюсь, как быстро влез в авантюру. Да, я был на мели, и последние годы это случалось нередко, но, в общем, как-то удавалось выпутываться из долгов. Возможно, Борис как целеустремлённая личность умел подчинять себе волю окружающих. Может быть, мне самому захотелось потряхнуть стариной, изменить в 48 лет свою бесполезную жизнь. Как бы там не было, я сказал «да». А дав слово, я за него отвечал. Не потому, что был сверхчестным, а потому, что на этом держалась моя репутация, приносящая определённый доход. Все партнёры знали – мне можно доверить деньги, информацию, товар.

Помню, как на Кипре забыл в такси папку с документами и деньгами, которые должен был там передать семье знакомого бизнесмена, отбывавшего срок в тюрьме. Сказалась усталость. Поездка была не самой лёгкой: я через Турцию попал на исламскую часть острова, а затем с проводником нелегально перешёл на христианскую. Нас обнаружили пограничники с греческой стороны. Проводник, не желая рисковать, сдался, и выполнять норму ГТО по передвижению на пересечённой местности пришлось мне одному. В основном под предупредительными выстрелами. И, когда я понял, что ушёл от погони, наступило состояние расслабленности. Я вкусно пообедал в таверне, позволив себе немного лишнего, взял такси...

Проклиная себя, я уже продумывал за сколько удастся продать московскую квартиру, когда объявился таксист с моей пропажей, искавший меня всю ночь по отелям Пафоса. На мой вопрос, почему он так поступил. Последовал короткий ответ: «А разве я мог поступить как-то иначе?» Я

заплатил ему премию, и он был искренне рад. Наверное, есть определённая гордость бедноты: как это у меня ничего нет, а моя честность?

Я объяснил себе поведение таксиста только одним фактом – его звали Иисус. Других объяснений я не нашёл, в папке лежали действительно очень важные документы и реально большая сумма денег.

№ 2. КОЛЯ В КУБЕ

Ник Ник, Ни`кола с Тверской, Нико`ля, Коля в кубе и т.д. По паспорту Николай Николаевич Николаев мужчина высокого роста и крупного телосложения, с большой лысиной и остатками чёрных волос по её краям, обладал необычайно добрыми и застенчивыми глазами, контрастирующими с могучим басом. Он был потомственным интеллигентом, последним представителем звонкой дворянской фамилии. Своего рода – последний из могикан. Неисправимый холостяк и обладатель четырёхкомнатной квартиры на Тверской, доставшейся ему от отца - известного советского писателя.

Наличие такой квартиры сводило с ума многих женщин, но Ник Ник был твёрд в своих холостяцких привычках, и на долгое время у него не задерживалась ни одна. Он преподавал в институте и имел достаточно свободного времени на увлечение музыкой, книгами и резонёрство с друзьями. Мы были знакомы больше двадцати лет, и это был единственный человек в Москве, кроме моей матери, к кому я мог приехать без звонка.

В квартире Ник Ника собирались разные люди – знакомые и не очень. Играли в преферанс, вели переговоры, слушали русские романсы из его объёмной коллекции. Иногда слушали романсы «вживую», сбрасываясь деньгами и приглашая исполнителей и аккомпаниаторов. В большой гостиной, которую Ник Ник называл в шутку «зала», изредка проходили неофициальные аукционы, собиравшие человек 15-20 коллекционеров из старомосковской когорты. Спорные лоты, вызывавшие конфликтные ситуации, и просто ценные вещи выставлялись здесь на торги и приобретались без излишней огласки. При этом сам Николай, авторитет которого в рядах старой интеллигенции не подвергался сомнению, искусно постукивал молоточком. Здесь же заключались пари на предстоящие футбольные матчи или поединки боксёров, которые фиксировал всё тот же Ник Ник.

Как говорят заядлые путешественники: location, location и ещё раз location. Расположение просторной квартиры в центре Москвы, рядом с метро и мягкий, не злопамятный характер её хозяина, сделали Ник Ника заложником собственной недвижимости. Наше сообщество напоминало английский клуб, куда многие женатые мужчины приезжали отвлечься от рутинных проблем. По договорённости каждый из нас оставлял в копилке по полторы тысячи рублей в месяц на амортизацию квартиры и уборку

помещения, которую последние пять лет проводила постоянная помощница по хозяйству, уроженка солнечного Дагестана.

Она мне и открыла дверь, пропуская в прихожую. Лицо её выражало явное недовольство и осуждение.

- Что случилось, Зухра, почему у тебя такой рассерженный вид?

- Опять девку привёз с Таганрога, - прошептала она, – сколько я не говорю ему, что я уже старая, вот заболею или вообще вымру, кто за тобой будет смотреть, он ведь дитя малый. Были женщины нормальные, но никто не прижился.

Таганрог у Зухры был как имя нарицательное, чем ей не угодил этот старый русский город, было непонятно.

- Да,- подумал я, - когда долго общаешься с человеком, он становится почти что членом твоей семьи. А Зухра общалась с ним ежедневно, проживая в дальней маленькой комнате.

Я вошёл в кабинет: высокие лепные потолки, большая старинная люстра из хрусталя с фиолетовым отблеском, массивный стол из дуба, украшенный серебряным письменным набором в виде животных. Ещё один стол, внесённый для игры в карты, мягкие кресла и бесконечные ряды книжных полок и шкафов, равномерно покрывавших всю квартиру, ну разве что не ванну. На стенах висели картины художников-передвижников в затейливых золочёных рамах.

В комнате было накурено, в открытое окно влетал шум улицы, громкие голоса прохожих, гудки машин. Тверская есть Тверская, она не умолкает никогда, её шум пролезает даже через евроокна. Я закурил, сев в кресло и подтянув к себе старинную напольную пепельницу в виде женской фигурки индианки с блюдом на голове. Квартира напоминала склад антикварных вещей, к которым мы уже привыкли.

Почему Ник всех нас терпит и привечает? Возможно, в душе он так и остался вечным подростком, ему нравится жить в игротке, в которую он превратил свою квартиру. А может быть, он боится призраков прошлого. Когда в одном и том же месте появляешься на свет, растёшь, стареешь и даже мысленно готовишься к смерти, призраки обязательно поселяются рядом с тобой. Вот ты пятилетний играешь у окна в солдатики. А вот ты пятнадцатилетний рассматриваешь в зеркале появившиеся прыщи, готовясь к первому свиданию. А это мама с соседкой обсуждают в гостиной рецепт приготовления пасхального кулича. А вот папа крадётся мимо твоей спальни с молодой аспиранткой и тебе мучительно жалко маму, и ты злишься на отца. Даже пробежавшая мимо белая кошка умерла лет тридцать тому назад. Близкие люди жили в этих стенах вместе с тобой и уходили при тебе в мир иной. А ты, только потеряв их, понимал, как они необходимы, и как одиноко в этом мире без них.

Зухра заглянула в комнату и прервала грустный ход моих мыслей.

- Чай, кофэ?

В кабинет вошёл хозяин, мы обнялись и похлопали друг друга по спине. У Ник Ника были огромные и мягкие, как подушки, руки. Посмотрев на меня своим застенчивым взглядом, он спросил.

- Ну, как твоя встреча с Борисом, удалось договориться? Он здесь нередко поигрывает в преферанс, и когда он попросил моего совета по Средней Азии, я сразу порекомендовал тебя. Ты знаешь, как мой отец ещё с эвакуации любил самобытность и красоту тех мест, сколько писал об этом. Да и сам я грешу переводами узбекских писателей, акынов Казахстана. Но я – Обломов. Борис может быть полезен тебе. Он богат, хотя и слишком расчётлив.

Вошла Зухра с двумя чашечками душистого кофе, на Ник Ника она не смотрела, демонстрируя всем своим видом обиду.

- Что у вас произошло?

Ник Ник так смутился, что краснота проступила через его смуглую кожу.

- Да в общем-то, ничего сверх ординарного. Эта старая дурёха опекает меня, как маленького, забывая, что мне уже скоро умирать – 55 лет не шутка. Два дня назад привёл сюда свою аспирантку, ей негде жить и негде работать. Уже не девочка, хотя, конечно, намного моложе меня. Разведённая. В Костроме на попечение матери оставила своего ребёнка и примчалась в Белокаменную. Так, ничего серьёзного, очередная покорительница столицы. Ну, ты ведь знаешь, иногда что-то такое нужно мужику, чтобы не прокиснуть окончательно.

Прозвенел звонок, и через минуту в комнату уверенной походкой вошёл Борис. Зухра тут же принесла ещё кофе. Борису она симпатизировала и называла его «самостоятельным» мужчиной, при этом полагая, что Ник Ник несамостоятельный и без неё тут же пропадёт.

- Итак?

- Итак, - как эхо повторил я, его же тоном, - удалось кое-что выяснить за минувшие три дня. Первое, мне прислали фото двух сотен картин, наиболее значимых в коллекции музея, естественно с указанием авторов. Второе, есть свой переводчик с узбекского, и он же прекрасный водитель. Я давно знаю и полностью доверяю ему. Привлечён профессиональный художник, работавший в этом музее и знакомый с его коллекцией. Кроме всего прочего, он отличный копиист. Третье, бывший секретарь ЦК компартии Каракалпакстана встретит нас в аэропорту и сведёт с мэром города. Он бронирует для нас номер в бывшей цековской гостинице и, если надо, организует охрану. Его я так же просил обеспечить проход с самолёта и обратно без досмотра. Четвёртое, близкий знакомый может снять для нас дом, на случай отступления. И, пятое, старых работников в музее всё меньше, уровень научной и экскурсионной работы падает. Хранение и охрана экспонатов плохо контролируются. Директор музея – родственница местного авторитета, интересуется в основном загранкомандировками, понимая, что художественная коллекция осталась почти единственным конвертируемым богатством республики.

- Но я не пойму, зачем вы привлекли столько людей? Зачем нам переводчик, зачем художник копиист? Зачем вы обратили внимание на нас бывшего секретаря ЦК, мы что, не в состоянии снять гостиницу и арендовать машину?

Мы с Колей широко открыли рты и одновременно развели руки. Такого непонимания местных традиций и обычаев мы от Бориса не ожидали.

- Борис, это представляется мне так, что вы либо не хотите оплатить мою работу, либо не понимаете, за что взялись вообще. Как вы собираетесь умыкнуть картины, чтобы этого не заметили до нашего отъезда и не посадили навечно в зиндан¹)? Для этого нужен художник копиист, хорошо знакомый с местной коллекцией. Свой водитель и переводчик одновременно – просто клад. В местных школах уже лет двадцать не учат русский язык. Его забывают. Куда вы собираетесь ехать или убежать без знания языка, с чужим водителем?

И, наконец, я вам долго объяснял в прошлый раз, что это не Европа и даже не Турция. Там одна знаковая гостиница, и если вы живёте не в ней, то вы навоз! Если вас не встречает кто-то из местной элиты, то вы навоз! Если вас не повезли на представление местному начальству, то вы ...

- Навоз, - раздражённо произнёс за меня Борис, всем своим видом показывая, что ему не нравится, когда его воспитывают.

- Хуже навоза, – назидательным тоном продолжил я, - о вас можно вытирать ноги! Здесь не обойтись копейками, нужны солидные представительские расходы. Поэтому я хочу понять, у вас есть серьёзный заказчик, готовый делать предоплату или нет? И есть ли заказ на конкретную картину или надо брать большое количество разных полотен?

Пока я говорил, Ник Ник одобрительно кивал головой. Он имел большой авторитет в глазах Бориса. Хотя они были абсолютно разные. Борис нервный, с тремя одновременно звонящими телефонами и бесконечными проектами. При этом он успевал всё: работать, посещать фитнес-центр, заниматься сексом на стороне, улаживать проблемы многочисленных родственников, не забывая о благополучии своих детей и роли любящего мужа. Ник, напротив, вел образ жизни сибарита. Бизнесмена удивляло и наличие дорогой квартиры, набитой настоящим антиквариатом, и совершенно непонятный образ жизни Николая, и его дворянское происхождение, и невероятная, по нынешним временам, начитанность, и инфантилизм этого могучего человека... В Николае он видел то, чего сам был лишён, чего никогда не мог себе позволить, будучи педантом и трудоголиком - беспечность.

Борис сидел молча, его лицо, как маска, не меняло выражение.

- На последний ваш вопрос о конкретной картине или нескольких полотнах я отвечать не хочу, пока не хочу. Намерения у заказчика серьёзные и предоплата будет. А что касается моего непонимания местного менталитета, просвещайте, я для этого и пригласил вас в дело.

№ 3. КАТЯ, МОЖНО ПРОСТО КЭТ

В кухню, где я удобно расположился с очередной чашкой кофе, вошла новая подруга Ник Ника. Зухра при её появлении сразу вышла.

- Катя, можно просто Кэт, - протянула она мне руку. - За что она так невзлюбила меня? Не пойму. - Она кивнула в сторону, покинувшей кухню Зухры. - Ревность отпадает, она старше Ника лет на десять. Корысть? Но разве она может унаследовать после него квартиру?

- Дело здесь не в женских интригах и не в квартире. Она привязалась к нему. Это комплекс матери или старшей сестры, вырастившей брата без родителей. В последнюю русско-чеченскую войну у неё погиб сын, она приехала в Москву искать правду, да так здесь и осталась.

- А-а-а, так её сын боевик, террорист – это заметно, её надо выслать из Москвы, а ещё лучше сообщить куда следует, - оживилась Кэт.

- Нет, - сказал я уставшим голосом, - сын её воевал на стороне официальных российских войск и награждён посмертно орденом.

- Ну, не знаю, - уверенным голосом сказала она, - по-моему, они там все исламисты и все нас ненавидят.

- История повторяется, - сказал я вяло, - всё это уже было в тридцать седьмом.

Что? – Не поняла она и продолжила. – С Николаем нужно срочно что-то делать. Его непонятный образ жизни, он мог бы намного больше зарабатывать. Ему ещё не поздно завести семью, детей. Подтянуться, заняться спортом. У него нет даже машины, он говорит, что она ему не нужна. Хватит тратить деньги на каких-то непонятных людей, на эту Зухру. Кстати, мама моя может убираться ничуть не хуже и вообще...

- Какая у вас тема диссертации? - Я прервал её речевой поток.

- Роль Добролюбова в развитии российской литературной критики.

- Нет, это не ваше научное амплуа. – Твёрдо сказал я. – Роль Лаврентия Павловича Берии в уничтожении литературной критики и всякой критической мысли вообще. Это модно, и вы смогли бы раскрыться в этой теме.

- Не поняв иронии, она сказала с сомнением в голосе: - Вы так думаете? Надо спросить у Николая. Он говорит, что про Добролюбова мы напишем быстро. – И после паузы добавила, - Николай говорил, вы его лучший друг. Давайте нажимать на него вместе. Если хотите, я могу приехать к вам и всё пообсуждать.

При этом она так нагнулась над столом, доливая мне кофе, что я мог полностью оценить её красивую грудь.

- Или, если хотите, встретимся после вашего возвращения из этой калпакии.

Я с удивлением посмотрел на неё.

- Вы так шумели, всё было слышно, - сказала она, - кстати, у меня в Костроме есть двоюродная сестра, очень красивая женщина. Могу вас с ней познакомить, будем дружить семьями. Я никогда не думала, что в столице столько интересных неженатых мужчин.

В кухню вошёл Ник Ник, сразу заполнив собой пространство.

- Ну, хватит соблазнять моего друга, пройдишь по магазинам.- С этими словами он передал ей три тысячи рублей.

- Ну, как она тебе? - Спросил он.

- Смотря для каких целей? – Сказал я уклончиво. - А вообще, смазливая, молодая, активная брюнетка. Молодость красива уже сама по себе. Но мой совет - не говори ей ничего лишнего. Она и так старается всё услышать и всё понять. Не доверяй кажущейся провинциальной простоте, обманет.

Условия нашей сделки были следующие: я получаю десять тысяч зелёных в аванс и столько же в случае благополучного завершения операции. План действий принимается за основу его, но с привлечением моих связей. Четыре дня на сборы и согласование технических вопросов въезда в Узбекистан, в пятницу вылет по маршруту Москва – Нукус.

№ 4. АРМРЕСТЛИНГ ПО-ВОСТОЧНОМУ

... А что же «пан спортсмен»? - Спросил Борис, засыпая под шум двигателей самолёта.

- Он, как ни в чём не бывало, ждал нас в аэропорту и сделал вид, что удивлён нашему опозданию, - ответил я, - и не ждите, Борис, что я каждый день буду рассказывать вам сказки на ночь, договором это не предусмотрено.

Ради просвещения Бориса, я вспомнил случай, когда был гостем республики в обычной туристической поездке. Группа от нашей организации насчитывала девять человек: я, тогда ещё молодой, мой давний знакомый уроженец Ташкента – Алишер и Виктор – молодой человек с фигурой культуриста, к которому приклеилось прозвище «пан спортсмен», а также шесть представительниц лучшей половины человечества в возрастном диапазоне от двадцати до сорока. Наша полная впечатлений четырёхдневная поездка подходила к концу, и часа за три до вылёта в Москву женщины решили отметить завершение путешествия в большом придорожном ресторане. Алишер предупреждал, что на Востоке женщинам небезопасно ходить по незнакомым местам, но его не слушали.

Привыкшие к независимости московские барышни быстро открыли двери и поднялись на второй этаж. Официант посадил нас за большой и единственный стол, стоявший вдоль окна. И, только осмотрев зал, я увидел несколько групп мужчин в национальной одежде, сидевших на коврах. Кто-то пил, кто-то курил, кто-то играл в нарды. На одном из ковров сидела большая компания во главе с бородатым крепкого сложения мужчиной лет сорока. В зале, естественно, не было ни одной женщины. На сцене пели местные артисты на родном им языке.

Как известно, на советском востоке, в силу исламских традиций, вин не пили, но охотно употребляли водку. Ссылаясь на то, что в Коране сказано только о запрете вина, а о водке Пророк ничего не сказал. Как будто великий Пророк и мыслитель должен был взять меню и начать для бестолковых указывать названия напитков, которых не было во времена его земной жизни. Словом, водка в меню была, а выпить наши барышни в большинстве своём умеют. Мало того, они попросили «пана спортсмена» заказать танцевальную музыку и для верности передали музыкантам

деньги.

Пересчитав купюры, местные таланты начали импровизировать популярные мелодии. Часть наших дам, помоложе и не очень, вышли на середину зала и начали танцевать в современных ритмах.

Равнодушных не было. Все мужчины вскочили со своих мест и взяли танцующих в кольцо. Вначале, они, несмотря на мешавшие им традиционные халаты, тоже пытались двигаться в ритме музыки, но потом самые пьяные стали хватать женщин и выдёргивать из круга. Тут в дамском отряде началась паника, раздались возгласы протеста, в глазах появился страх. Я встал и быстро подскочил к самому крупному молодому парню из команды бородатого, вырвал из его рук перепуганную девушку и заслонил её. Здоровяк попытался двинуть мне кулаком, но я успел увернуться, не отвечая на его удар.

Тут я увидел, что кто-то рванулся вперёд в гущу местных. Конечно, это был невысокого росточка, щуплый Алишер. Он с такой энергией бросился на наших «оппонентов», что обескуражил их своей храбростью. Я быстро посмотрел по сторонам, «пана спортсмена» с накачанным торсом сдуло ветром. Мы с Алишером встали спина к спине в центре круга и приготовились то ли драться, то ли принять побои.

Но местные парни по команде бородатого вожака потащили меня к их ковру. Всё произошло быстрее, чем я повествую. Я уже сидел на ковре и держал полную рюмку водки в руках. Бородатый сделал знак рукой, и все смолкли. Он поднял рюмку и сказал, что пьём за дружбу. Я не успел поставить рюмку, как один из шестёрок наполнил её опять до краёв. Так повторилось несколько раз подряд, расставленную на блюдах закуску никто не предлагал. Они явно пытались спойть меня, действуя по привычной схеме. Я сделал попытку откланяться и поблагодарить за дружеские тосты, сообщив, что у нас скоро самолёт. Но бородатый сказал, чтобы я не волновался, сегодня мы не летим, сегодня мы все едем к нему в гости, в горный аул. А вот завтра он доставит нас прямо к трапу самолёта. Сквозь щель между халатами я увидел, что у двери, ведущей на первый этаж, стоит несколько молодых парней, закрывая путь к свободе. Я понимал, что ситуация близка к критической, и в случае поездки в аул мы могли не попасть в самолёт ни только завтра, но и вообще никогда.

Надо было разрядить обстановку. И, всё ещё слыша возмущённое сопение пытавшегося ударить меня молодого толстяка, я решительно сказал, обращаясь к нему:

- А ну, давай померимся силой на руках, - зная, что этот вид единоборств популярен в странах Востока. Мужчины одобрительно зашумели, но все ждали решения бородатого. Тот молчал. Видя безмолвное одобрение их вожака, молодой крупного сложения парень, весивший килограммов на двадцать больше меня, с готовностью согласился. Нам расчистили место, связали руки кушаком, и мы напрягли мускулы, стремясь к победе. Бородатого я уважительно попросил быть судьёй. В те годы я имел хорошую физическую форму. Он недолго сопротивлялся, я даже немного продлил поединок, поддаваясь ему.

Прошла минута, и его рука была прижата к земле в абсолютном молчании.

Бодро встав, я сообщил, что он не должен расстраиваться, я так же, как он, вчера проиграл большому местному начальнику. И я назвал имя городского партийного чиновника, на которого утром мне доверительно жаловался экскурсовод, рассказывая, что тот только ворует и не заботится о сохранении исторических памятников. Имя местного авторитета, как удар хлыстом, подействовало на бородатого. Он вначале прищурился, оценивая сказанное мной. Потом понял мою деликатность, объявлявшую местного вождя силачом. Но доконал я его, сообщив, где находится вилла местного начальника, выдумывая детали, которые я якобы видел при её посещении. Виллу, закрытую деревьями, с плавающими в водоёме чёрными лебедями, во время экскурсии показал мне всё тот же гид. Которому так хотелось ну хоть у кого-то найти сочувствие.

Последовала короткая команда, и оцепление было снято. Краем глаза я заметил, как официант повёл женщин вниз. Алишер остался в зале, он ждал, готовый придти мне на помощь в случае опасности. Поблагодарив моих «оппонентов» за «радушие и гостеприимство», я вышел из зала. Спустившись на первый этаж, обнаружил своих москвичек, сбившихся в группку, как испуганные овечки. Их чувство уверенности, а точнее самоуверенности было сильно поколеблено...

Миражи Востока. Они часто встают передо мной. Древние мечети, одетые в мозаику, созданную из волшебства небесных красок. Величественные минареты, как бессменные стражи, охраняющие города и призывающие правоверных к молитве. Женщины, согнувшиеся в сорокоградусную жару над бахчой, и их мужья, дающие «бесценные» советы из тени малорослых деревьев. Надменные чиновники, готовые лизать пол перед вышестоящим начальником, и глубоко презирающие всех, кто ниже их в номенклатурном табеле о рангах. Сгоревшие тела женщин, якобы неумело пользовавшихся керосинкой, а в действительности покончивших жизнь самосожжением, не желая быть рабынями. Ночной вой шакалов в пустыне, похожий на стенание плакальщиц на похоронах. Голова юного любовника, найденная в арыке отчленённой от туловища. Жестокие погромы своих же соседей, вчерашних знакомых, представляющих не титульные нации. Дворцы местной знати и толпы оборванцев на рынках, живущих от подаяния к подаянию. Воспалённый взгляд моджахеда, посвятившего недолгую жизнь войне с гяурами и лачуги беженцев, сколоченные из всего, кроме ветра. Песчаные бури, покрывающие песком посева и засыпающие оазисы. Пучки высохшей жёлто-коричневой травы в виде единственного украшения природы. Дети, просящие – нет, не денег, а бутылку с водой. Раскалённый воздух, и лежащие там, за большим барханом, зыбучие пески.

Где здесь правда, а где сон? Память не находит ответа. Бог дал нам возможность забывать и не сходить с ума под грузом событий, накопленных прожитыми годами.

№ 5. МОСКВА – НУКУС

... Старенький ТУ-154 с трудом оторвался от земли. Он поднялся в воздух в тот момент, когда я окончательно свыкся с мыслью, что мы так и поедем на нём до Нукуса, не взлетая, а мягко подрагивая на шасси.

Я сидел рядом с Борисом. Сзади разместился Эдик, угрюмый персонаж лет тридцати пяти, с которым Борис познакомил меня перед отлётом из Москвы, сказав, что решил взять с собой телохранителя. Bodyguard имел крепкую атлетическую фигуру и, судя по мозолистым шишкам на руках, увлекался восточными единоборствами. В багаж он сдал маленький чемоданчик. В ручную кладь оформил чёрный кожаный кейс, переданный ему Борисом незадолго до вылета.

Согласно нашей легенде и официальным командировочным документам, добытым Борисом через знакомых, мы являлись съёмочной группой телеканала «Культура». И направлялись в Каракалпакстан для сбора материала о музее Савицкого.

Все пассажиры рейса мирно спали, даже малыш в трёх рядах от нас, наконец, успокоился и перестал посылать во вселенную крики о помощи. Я и ночь, мы не спали вдвоем в целом мире. Ну и надеюсь, пилот нашего самолёта.

Зыбучие пески пустыни затягивали меня: по колено, по пояс, по грудь. А рядом кружилась стая голодных бездомных собак, постепенно сжимая кольцо. Вожак стаи, широкогрудый рыжий пёс, с покрытой шрамами мордой, не скрывал своего намерения вцепиться мне в горло. Его смущали только мои руки, пока свободные от песка и сжимавшие камни. Кольцо вокруг меня всё уже, уже... Последний крик о помощи и я... И я – в душном салоне самолёта, покрытый холодным потом. Это был всего лишь ночной кошмар.

В реальной жизни мне несколько раз приходилось наблюдать агрессивное поведение бездомной стаи «лучших друзей человека». Они помнят о предательстве людей и теряют к ним всякое уважение. Как-то в Индонезии, вместе с группой таких же, как я, туристов отправился вдоль побережья полюбоваться пейзажами. Когда мы проходили мимо большого недостроенного отеля, нас атаковала многочисленная стая собак. Их привезли сюда для охраны объекта, а потом, по какой-то причине прекратив строительство, «забыли». Стая нападала по всем законам охоты, окружая нас. Мы отступили в море и, бросая камни, отогнали одичавших животных. Отойдя на некоторое расстояние, все успокоились, но порывом ветра с меня сдуло бейсболку, и я невольно обернулся: стая собак бежала за нами, молча, без лая. Они заходили с разных сторон, пытаясь отсечь нас от моря. Мы опять вовремя отступили в воду и снова отогнали собак. Но спустя неделю их жертвой стали местные дети – брат с сестрой, собиравшие в лесу плоды для продажи иностранцам. Только после похорон останков детей полицейские уничтожили агрессивную стаю.

Глубокой ночью или ранним утром наступившей субботы мы

приземлились в Нукусе. Выйдя на трап самолёта, я, как будто захмелел, почувствовав тёплое дыхание пустыни. Это в турбулентной Москве я могу говорить о том, что пустыня неприглядна и мертва. А вдали от цивилизации под чёрным небом с огромными звёздами нет ничего прекраснее её гордого одиночества и независимости от всего остального мира. Эта тайна неразгаданного и чувство вечности дел Творца привели сюда и подвижника Савицкого, и его учителя, археолога академика Толстова. А сколько других российских интеллигентов нашли в этих краях убежище от зверских расправ диктатуры вождя всех народов?

№ 6. АССАЛАМУ АЛЕЙКУМ

- Дмитрий! Дмитрий! – звал меня голос из темноты. Я присмотрелся – у трапа стояла машина, Бог мой, всё та же белая «чайка». Время здесь как будто застыло, возможно, оно приходит сюда на ночлег. Я сошёл с трапа и протянул вперёд руки для приветствия.

- Темирхан Полатович, дорогой вы мой человек. Ассаламу алейкум! Сколько же мы не виделись? Кажется, вечность не был в Каракалпакстане.

Мы с поклоном пожали друг другу руки. За восемнадцать лет, прошедшие с нашей последней встречи, Темирхан мало изменился. Всё та же худощавая фигура, рост выше среднего, несмотря на появившуюся сутулость. По-восточному сдержанная улыбка, длинные пальцы пианиста на тонких, не знавших физического труда руках, короткая стрижка, очки в толстой оправе и смотрящие из-под них мудрые глаза. Если бы не современный костюм, он походил бы на древнего мыслителя. Внешность и интеллигентные манеры всегда выделяли его среди других чиновников.

- А это наша съёмочная группа: руководитель группы Борис Андреевич, помощник – Эдуард, ну вот и меня позвали консультантом.

- Вы - дорогие гости, почувствуйте себя, как дома. Дмитрий Олегович, консультант это тот, кто советы даёт?

- Именно так, Темирхан-ака.

- Вот и я теперь советы даю. Я теперь советник Жокаргы кенеса – по-русски парламента. Не дают на пенсии спокойно пожить. Взятся было книгу объективную о Каракалпакстане написать, но времени не хватает. – И, обращаясь ко мне. – Я думаю разместить вас в доме приёмов, там сейчас никого нет. Отдохнёте в тишине. Я помню, Дмитрий, вам нравилось там.

Машина ехала по безлюдным, тёмным улицам. В ночи прочерчивались контуры однотипных домов. Мы въехали во двор одноэтажного особняка, отделённого от внешнего мира высокой стеной. Во дворике стояли две скамейки и горел фонарь, посередине была разбита клумба цветов. Охранник закрыл за нами ворота и, поклонившись, ушёл в сторожку.

- Здесь всё своё, как в подводной лодке, автономное снабжение светом и горячей водой. В городе напряжённо и с тем, и с другим. А тут даже, видите, зелёные насаждения есть, в городе вся зелень гибнет от

песчаных бурь. Песок с солью Арала и химическими добавками всё уничтожает.

Мы прошли в дом. Внутри дежурная уже ждала нас и повела показывать номера, окна которых выходили в небольшой садик с низкорослыми деревцами, за которыми виднелась всё та же высокая стена – дувал 2). Темирхан пригласил нас в гостиную. На столе стояли чайник и икорница с чёрной икрой, в традиционном для Азии паюсном исполнении, лежал нарезанный хлеб, розетки с вареньем, сливочное масло.

- Всё, как прежде, и даже машина та же, - заметил я.

- Изменений, конечно, немало, но только в лучшую ли сторону, сами увидите.

Он перешёл на доверительный тон: - Вначале, как от России отделились, или точнее, когда Россия нас от себя отделила. Вы же помните, Дмитрий Олегович, у нас в республике распада страны никто не хотел. Ну так вот, думаем, как же жить без русской водки и русских женщин? - Он улыбнулся. – Но, куда деваться, привыкли. У нас в городе была скульптурная композиция: на постаменте стоят две женщины, как две сестры, русская и наша местная. Так горячие головы русскую убрали. Теперь наша девушка одна стоит и скучает. Некоторые шутили: вот, мол, последняя русская уехала. Забывать о прежней дружбе, я считаю, недальновидно и не от большого ума.

И продолжил: - А машину мне оставили с персональным водителем. Внутри всё заменили, стала, как новая. Если надо - катайтесь, берёт на борт шесть пассажиров, а столик убрать - даже семь. Когда по городу еду, вся милиция знает, что останавливать нельзя.

- Нашу съёмочную группу в первую очередь интересуется музей Савицкого, - вклинился Борис.

- Да, Дмитрий мне сказал. Но мы гостей принимаем по-своему, широко и традиций менять не будем. Завтра, то есть сегодня в 10 часов встреча в мэрии, потом вертолётная экскурсия к Аралу и вечером ужин на берегу Амударьи. А завтра, поедем смотреть крепости и музей. Дальше уже работайте с музеем сами, там, кстати, директор сейчас сестра Амета Мусаева. Вы помните его, Дмитрий?

Темирхан посмотрел на часы: - О, уже без двадцати пять. - Он засобирился. - Воду из-под крана не пейте, качество воды плохое, даже кипячёной. К употреблению пригодна только минеральная.

Я проводил его до дверей и вручил конверт с тысячей долларов.

- А вы говорите, ничего не меняется, когда это мы брали деньги друг у друга? А теперь всюду расчёт. Вот, номер моего мобильного для близких друзей, если что, сразу звоните.

Я остался во дворе, закурил, сел на скамейку. Уже не заснуть.

Ко мне подсел Борис, он не курил вообще.

- Сколько вы ему дали?

- Штуку зеленью, меньше неудобно, ещё не раз обратимся, вот увидите. Да и доллары у вашего охранника отняли бы на местной таможне, у них нюх лучше, чем у голодных псов.

- А вы говорили, здесь забыли русский, он прекрасно владеет языком.
- Это особый случай, он учился в Ленинграде и диссертацию защищал в Москве. И сейчас в курсе всех событий в России и не только.

- А чья сестра директор музея, он сказал?

- Чиновника одного бывшего, потом он бизнесом занялся. Нас с Темирханом как-то обстреляли в пустыне, погиб его телохранитель и ранили водителя. Так подозрение было, что этот чинуша всё организовал, к власти в республике рвался.

- Почему вы в Москве мне об этом не рассказали?

- А что бы это изменило? Вы бы решили, что я набиваю себе цену. Да и потом, он должен быть уже старым, я помню, он старше Темирхана лет на десять.

- У нас сегодня встреча в мэрии, обрисуйте мне местную ситуацию в общих чертах.

- Опять сказка на ночь? Вас, наверное, баловали в детстве. Ну что же, извольте. Население города почти четверть миллиона человек. Помимо каракалпаков, небольшого древнего народа, в нём проживают также выходцы из соседних стран - узбеки и казахи. Есть и русская колония, тающая на глазах, как льдинка, на жарком восточном солнце. Город находится в зоне экологического бедствия. Я имею в виду высыхающий Арал. В ближайшем окружении пустыни: Каракум, Кызылкум, Аккум - соответственно чёрные, красные и белые пески, а теперь появилась новая - Аралкум. Во время пыльных бурь ветер вместе с песком поднимает соль высыхающего Аральского моря и пестициды, обильно применявшиеся на хлопковых полях при социализме. Вдыхать этот коктейль, мягко говоря, вредно.

С одной стороны город выходит на Амударью. В её быстрых потоках легко протрезветь, но трудно плавать. В Нукусе типовая застройка, нет исторических объектов: как аул он появился на свет только в 60-х годах XIX века, а статус города и столицы республики приобрёл по историческим меркам недавно - в 1932 году. Он напоминает юношу, который уже состарился, не успев стать взрослым. Конечно, местные вам скажут о нескольких старинных полуразрушенных крепостях, расположенных за чертой города. Действительно, в этих местах проходил шёлковый путь. Но для того, чтобы эти крепости привлекли внимание туристов, нужны большие восстановительные и археологические работы, а денег на это нет.

В этих краях ничего не добывают, не проходят международные трассы, до Ташкента 1255 километров плохих дорог. Словом, глубинка, затерянный мир, на краю Ойкумены.

И в тоже время город имеет свой восточный, неповторимый шарм. Ещё недавно Каракалпакстан называли озёрным краем Средней Азии. В дельте Амударьи водились тигры, гиены и множество птиц, включая пеликанов и фламинго. На плато Устюрт паслись многочисленные стада сайгаков, на свою беду обладающих нежным вкусным мясом. В песках Кызылкумов ползали вараны, напоминавшие своими красными языками огонь, исходящий из пасти дракона. В горах прыгали муфлоны - мечта

любого высокопоставленного охотника. Республика добывала тонны рыбы и более миллиона ондатровых шкурок в год. Вы должны помнить, каким дефицитным товаром были ондатровые шапки. Я сам всего лет десять назад доносил последнюю.

Но всё ушло, в прямом смысле слова, как вода в песок. Обратим ли этот процесс человеческого бездушия, вопрос не ко мне.

Остался один сверкающий алмаз – музей Савицкого. На невероятном энтузиазме он создал тематическую коллекцию русского авангарда, превосходящую аналогичные собрания в музеях Питера и Москвы.

Да, что там, она сопоставима по числу экспонатов с МоМА – музеем современного искусства в Нью-Йорке. Конечно, по рыночным ценам коллекции американского музея намного дороже, художники там с мировыми именами. И вообще больше антуража: дух Манхэттена, архитектор здания знаменитый японец Йошио Танигучи. Словом, американский размах. Вы посещали МоМА, вы ведь часто бываете в Штатах?

Борис кивнул: - Да, конечно, неоднократно.

И я продолжил: - В настоящее время в залах музея представлены лишь произведения приемлемые взгляду мусульманина, вся обнажённая натура, все страстные взгляды и поцелуи, все ню спрятаны в запасниках. Их достают только для зарубежных выставок, которые случаются теперь реже, чем в советский период. Песня та же – нет денег.

- Пойду, попробую поспать, - Борис зевнул, прикрывая рот рукой, - извините.

Я остался сидеть на скамейке наедине с воспоминаниями, ночи были ещё тёплые. Если признаться, я боялся увидеть продолжение сна с зыбучими песками, медленно затягивающими меня, словно удав, проталкивающий внутрь добычу.

№ 7. ЧИНОВНИКИ НОВЫЕ, ПРОБЛЕМЫ СТАРЫЕ

В мэрии Нукуса мы долго раскланивались с чиновниками, клялись друг другу в вечной дружбе, с ностальгией вспоминали прежние времена и намечали совместные грандиозные планы. Нам несколько раз сообщили, как успешно сотрудничает республика с Газпромом России. Особняк Газпрома в Нукусе выполнен в корпоративном стиле и напоминает миниатюру центрального офиса в Москве. Не забыли и старую проблему: производство сосисок и колбас на их территории, с отправкой продукции в Россию. Эта больная тема связана с производством каракульчи. Когда с маленьких барашков сдирают шкуру, мясо их идёт на выброс. Тонны нежнейшего мяса веками закапывают в песок. Его негде хранить, негде перерабатывать.

В ответной речи, мы поклялись, что найдём средства поднять жизненный уровень жителей Нью-Куса до жителей Нью-Йорка и, наконец, вырвались из душных кабинетов на свободу. Я увидел в коридоре Эдика,

мирно дремавшего с кейсом на коленях, и впервые пожалел, что не выбрал профессию охранника.

Темирхан шепнул мне: - Вы видите, Дмитрий, чиновники меняются, а проблемы остаются всё те же.

- Вы правы, Темирхан Полатович, жизнь человека слишком коротка, чтобы что-то создать, но слишком длинна, для того, чтобы успеть всё уничтожить.

- Если бы Сталин не отдал Каракалпакстан из состава РСФСР в состав Узбекской ССР, мы бы сейчас входили в Российскую Федерацию. А ведь по территории наша республика равна двум Швейцариям, или пяти Армениям. Вот вам и роль личности, точнее, культа личности в истории.

№ 8. ПОЛЁТ НАД АРАЛОМ

Мы приехали в Аэропорт, пересели на вертолёт и полетели к Аралу. В качестве экскурсовода к нам присоединилась женщина лет сорока, невысокого роста, одетая в национальную одежду, что придавало бы ей оттенок фольклорности, если бы не строгий, сосредоточенный взгляд.

Темирхан представил её нам: - А это наш местный диссидент – Фируза Бектемирова. Она редактор газеты «SOS», которую всё время закрывают. Несколько раз её запугивали, избивали, но она продолжает отстаивать свои взгляды. Я хотел, чтобы телеканал «Культура» имел объективную информацию об Арале.

Мы надели наушники, Фируза взяла в руки микрофон. Я подумал, что гул вертолета для местного диссидента пустяк, по сравнению с другими трудностями. И она начала увлеченно: - Уважаемые гости, мы сейчас направляемся в район настоящей экологической катастрофы. Я надеюсь, вы донесёте эту информацию до россиян, и, может быть, найдутся учёные, журналисты, олигархи, которые поймут размер опасности и придут нам на помощь. Неслучайно и газета наша называется «SOS».

Исчезновение четвёртого по величине озера мира на глазах у современного поколения, явление уникальное и назидательное. Наша планета не так велика, как кажется обывателям, и частички ядовитой пыли с примесью пестицидов и соли Арала учёные обнаруживают в Антарктиде и в Гренландии. По наблюдениям российских учёных, с середины XIX до середины XX веков уровень воды в Арале не менялся. В эти годы площадь озера составляла 68 000 квадратных километров, что, например, в полтора раза превышало территорию Московской области. Длина озера равнялась 426 километрам – расстоянию от Москвы до Нижнего Новгорода. (Чувствовалось, что примеры на российской почве она подготовила специально для нас). В этих водных просторах обитало 34 вида рыб: камбала, сазан, жерех, судак, сом и знаменитый усач, достигающий метра в длину и веса – до 20 килограммов. Работали более десятка рыбозаводов. На берегах озера стояли города, посёлки, детские оздоровительные центры.

В то же время Страна Советов выжимала из среднеазиатских республик всё больше хлопка, и освоение новых земель требовало всё больше воды. Казалось, что если человек вырвался в космос, то уж с земными-то делами мы раз-два и справимся. При этом забывали, что природа - живой организм, на нём нельзя поставить рычаги и завернуть потуже гайки.

С середины 60-х годов озеро начинает мелеть. С борта вертолёта хорошо видно: до него не доходят воды рек Амударьи и Сырдарьи. Они бегут, спешат слиться с озером, но, ослабленные человеком, разбиваются на речушки, ручейки и уходят в песок пустыни, не дойдя до цели 10, 100, 200 километров...

Мы послушно посмотрели вниз – со всех сторон тянулись бескрайние пески со скудной растительностью, выжженной солнцем за сухой летний период.

- От вступления солнца в знак Рака, до вступления его в знак Весов - вот границы летней поры. - Фируза вдохновенно продолжала. - После исчезновения рек опять на многие километры тянутся серые безжизненные пески, а потом на километры белая соль и только потом вода, тоже невероятно солёная.

Процесс гибели Арала ускоряется. Уровень воды снизился на 22 метра! Озеро распалось на два отдельных: Малое со стороны Казахстана и Большое со стороны Каракалпакстана. В Большом озере из-за высокой концентрации соли погибла вся рыба. Меняется климат: зимы стали холоднее, лета - жарче. Пыльные бури набирают ещё больший размах, разнося по окружающим землям вредные смеси, попадающие в воду, пищевые продукты, организм человека. На месте отступившей воды появляется новая пустыня Аралкум.

Среди местных жителей растёт количество поражённых раком гортани и пищевода, болезнями печени, почек и глаз. Значительно возросла детская смертность. По мнению западных специалистов, Арал уже не спасти.

Фируза, тяжело вздохнула, чувствовалось, что она тяжело переживает проблемы, о которых говорит.

- Существует ещё одна угроза – примерно в середине озера находился остров «Возрождения». Во времена Советского Союза на нём испытывали на животных бактериологическое оружие. Им прививались возбудители сибирской язвы, бруцеллёза, чумы, тифа, оспы. Эта исследовательская база была наспех закрыта в конце 80-х годов в рамках советско-американских переговоров о сокращении вооружений. Страшных для людей возбудителей заболеваний запаяли в стальные бочки, а чаще просто засыпали сверху хлорной известью. Теперь из-за обмеления Арала остров соединился с берегом и опасные микроорганизмы, если они не погибли, могут быть разнесены грызунами по прилегающим территориям. Бывшая закрытая база не охраняется. Сюда легко могут проникнуть и туристы – любители острых ощущений и террористы. Западный кинематограф изощряется в буйных фантазиях, представляя конец света и

прочие катаклизмы. А здесь готовый сюжет и декорации, которые и не снились Хичкоку или Спилбергу.

А сейчас наш вертолёт садится на территорию бывшего пионерского лагеря. Добро пожаловать в мир теней!

№ 9. МИР ТЕНЕЙ ИЛИ «БЛАЖЕННЫЙ» ЯША

После такой лекции мы с опаской вышли из вертолёта на залитую солнцем площадь: корпуса, двери, окна, мачта для подъёма флага. Я протёр очки: нет, мне не пригрезилось – на мачте реет красный советский флаг. Мы вздрогнули, по громкоговорителю запели патриотические песни, времён Союза, зазвучали голоса детей на разных языках. Переутомился, - подумал я, - не спал ночью, плюс вертолёт. Тут Борис впился мне в руку, и я посмотрел по сторонам: даже Эдик проснулся, быстро по привычке сунул руку за пазуху пиджака, но, не обнаружив оружия – растерялся.

Беззвучно открылась дверь одного из корпусов, и на площадь вышел низенький лохматый человечек в старой изношенной одежде. Казалось, перед нами персонаж детской страшилки: то ли леший, то ли домовой.

Подойдя поближе, он внезапно запел.

- Сырдарья, Амударья – быстрое течение, парень девушку целует за кило печения! А Сырдарья, Амударья – всю водицу выпили и послушный наш народ во все дыры выдрали! А Сырдарья, Амударья ...

Темирхан: - Хватит, Яша, хватит московских гостей пугать, побойся Бога.

- Да где ж он, Бог-то? Он, поди, в Москве за Кремлёвской стеной, их Бог. А твой, в Ташкенте, а мой здесь в песке живёт. Только у Фирузы Бог в сердце, я в глаза ей смотрю и вижу, Бог есть.

Ожидавшему нас в военном джипе офицеру, Темирхан сказал отвезти нашу группу на «кладбище рыболовной флотилии» и Яша быстро уселся на переднее сиденье.

По дороге Яша ёрничал, кричал водителю, мол, куда прёшь, не видишь светофор красный. Закрывался руками и вопил, что впереди столб, требовал пропустить на переходе пешеходов. И всё это представление среди пустыни и отсутствия людей и дорог на многие километры вокруг. Офицер не обращал на него внимания, видно привык. Наконец, приехали к катерам и баржам, которые навсегда бросили якорь в пустыне, вдали от моря.

- Как же это могло быть, - недоумевал Борис, – потерять целую флотилию?

Яша: - Как, как? Сядь, да покак. Море пропало, значит, несколькими километрами ниже, закрыв им путь отступления по воде.

Общую и без того грустную картину усугублял сухой местный климат: многие судёнышки не ржавели, а стояли, как новые. Видны были надписи

на дверях. Казалось, что вот сейчас выйдут матросы, и всё это недоразумение прекратится.

Эдик, покинув машину, бродил между кораблями.

Яша долго присматривался к нему и вдруг сказал: - Ты, мил человек, вот что, ты беги отсюда, сегодня беги, здесь ты ни жилец.

Потом повернулся ко мне.

- И ты, господин хороший, потеряешь ты здесь сердце. Но не помрешь, влюбишься, стало быть.

Борис хотел спрятаться, но не успел. Яша поймал его глазами и мстительно пропел.

- Чужие страны, чужие города ты обретёшь, поверь мне, навсегда.

И почти без паузы заныл: - Подайте убогому на пропитание.

Учитывая предсказание любви, я дал ему десять долларов, Борис – три, Эдик – ничего. Я бы тоже ничего не дал, если бы мне предсказали завтрашнюю смерть. Хотя, с другой стороны, на том свете деньги точно не нужны.

Они появились внезапно, как будто вынырнули из песка, за большой наклонившейся на бок баржей. Коренастый рыжий пёс со шрамами на морде и его стая, потрёпанная в схватках с другими собаками. Эту стаю, именно эту стаю, я видел в моём кошмарном сне. Мне стало нехорошо. Офицер быстро пошёл за карабином к машине. Но Яша остановил его решительные действия.

- Не надо пужать их, здесь уже не человеческая власть, а волков, шакалов, диких собак.

А дальше, стало быть, пойдёт власть пустыни, она сильнее всех.

Когда мы возвращались к вертолёту, Яша не кривлялся, сидел тихо и вдруг сказал, что ночью будет песчаная буря. Перед бурей, мол, у него болят кости.

- А что, Яша, есть в этой пустыне зыбучие пески?

- Как не быть, есть. Ты сам рассуди, воды рек уходят в песок. Они же не исчезают сразу, несколько километров они ишо текут под песком, вымывая его оттуда. Вот стало быть и провалы. Мне это как-то учёный один объяснял, умнейшей головы человек был. Жаль погиб.

- В песках?

- Зачем в песках? В песок он только по пояс провалился, а дальше собаки сожрали. Яша пошёл его искать, а там уже кости одни обгрызены. Песок этот плохой, если провалишься по колени, то, как цемент схватит – не выбраться. А собак тут диких предостаточно, есть и шакалы, и волки, но те уважают человека, а собаки – нет. Они говорят – знаем мы вас, людей. Не за что вас уважать-то. А иной раз и машина с водителем пропадает. Поди пойми, то ли песок виноват, то ли лихие люди проказят.

Когда наш вертолёт взлетел, Борис с любопытством спросил, кто такой Яша и что он делает в пустыне. Темирхан рассказал, что Яша когда-то работал в пионерском лагере сторожем. При нём жила внучка, оставленная ему на попечение его дочерью, убежавшей из этих мест. Потом море отступило, лагерь закрылся. Он остался один с внучкой. Но

случилась беда – девочка заболела и умерла. От горя он вроде как тронулся умом. Живёт один, говорит, что если переедет и без него вернётся дочь, то она не сможет его найти. Живёт без документов, ходят слухи, будто он сидел когда-то.

Борис всё не унимался и спросил, на что же он здесь живёт и чем питается. Темирхан объяснил, что Яша это их юродивый.

- У вас в Москве на Красной площади стоит храм Покрова, который все называют храм Василия Блаженного, а Яков – наш каракалпакский блаженный. Яша пользуется большим авторитетом в аулах как предсказатель судьбы. Ездят к нему и из городов. Привозят продукты и деньги. Он на эти деньги спасает лагерь от мародёров, а главное от пустыни. Сам работает лопатой, сам периодически вызывает бульдозер, который отгребает песок от зданий. Любит устраивать представления с флагом и музыкой, как сегодня. Иногда покупает много свечей, зажигает их вокруг лагеря, объясняя это тем, что внучка с неба может увидеть огоньки и вспомнить о нём.

- Его несколько раз хотели запрятать в психушку за его предвиденья, но я всегда его выручал, - подытожил Темирхан.

- Ну, а предсказания его сбываются или не очень?

- Обычно сбываются. Во всяком случае, то, что он мне говорил, всё сбылось. Хотя я порой сердился на него за эти предвиденья.

Эдик мирно дремал, вцепившись в кейс. Слова Яши не взволновали его.

№ 10. БАНКЕТ НА АМУДАРЬЕ

На банкет на лоне природы мы прибыли с опозданием. Никто не садился за столы - ждали нас. В тот день руководство города удачно поохотилось в зарослях по берегам Амударьи. Как называют специалисты это сплетение кустарника и невысоких деревьев - тугай или тугаи. Леса состоят из ив, низких деревьев семейства тополиных, зарослей колючей ежевики и лиан, оплетающих кусты и деревца. Повара приготовили зайцев, фазанов, уток и ягнят. Прислуга наловила несколько видов рыб, среди которых выделялся почти метровый усач весом килограммов на 15-16. Стол украшали многочисленные фрукты, овощи, чёрная икра, как всегда в паюсном исполнении и душистый плов, без которого любая трапеза просто невозможна. Несколько бутылок виски, несколько ящичков водки и минеральной воды. Около каждого посадочного места лежала пачка американских сигарет и зажигалка.

Прислуга разожгла вокруг костры, отгоняя речную мошку. Взяв в руки квадратные куски фанеры, крепкие парни махали ими, чтобы дым не шёл на участников банкета.

Изголодавшиеся хозяева стола повернулись к мэру в ожидании первого тоста. Я не буду повторять тосты мэра, его замов, а так же Бориса и мои алаверды – суть их банальна. Некоторые чиновники уже подзабыли

русский и говорили невпопад, но обстановка торжественности события сохранялась.

Под общий смех мэра города вспомнил, как они недавно принимали, так же на природе, делегацию японских учёных, изучающих шёлковый путь. Японцы сидели, не притрагиваясь к еде. Хозяева банкета уже начали обижаться, считая, что гости брезгают угощением. Но переводчик объяснил, что японцы не пробуют блюд, понимая, что не смогут их оплатить. Они приступили к еде после долгих заверений, что обильные и изысканные угощения - это правило местного гостеприимства и платить ничего не надо.

Было когда-то в России такое слово «принука», когда хозяин особо радушно потчевал гостей, понуждая их больше съесть и больше выпить. Это считалось хорошим признаком гостеприимства. Не знаю, как в нынешней России, я не тусовочный человек и редко хожу на банкеты, но в Средней Азии такая традиция считается нормой.

К концу обеда все были заметно под шафе. И когда мэр предложил искупаться в Амударье, все с радостью согласились. Борис шёпотом спросил меня как же купаться без смены белья? Я его успокоил, зная по опыту – это маленькое неудобство хозяева банкета легко исправят. И действительно к нам подскочили люди из числа обслуживающего персонала и каждому вручили по пакету с белоснежным нижним бельём и таким же полотенцем.

- Откуда они узнали наши размеры? - удивлялся Борис.

- Ну, мы же были сегодня на приёме в мэрии, кто-то из хозяйственной службы специально пришёл и на глазок всё определил, – объяснил я ему, - это пустяки.

Стояла осень. Но лето в Каракалпакии, по словам хозяев, в этом году задержалось, вода в Амударье была приятно прохладной, но не холодной. Прислуга помогла нам спуститься в воду, и я заметил, что быстро трезвею.

- Только не вздумайте плавать, - посоветовал я Борису, - просто купайтесь, общайтесь с людьми. Течение очень сильное, если выплыть на середину, унесёт далеко, придётся вас вылавливать. А вы заметили, какие вдоль берега камыши? Они достигают в высоту трёх метров, не вдруг удастся вас найти.

Минут через десять, когда река охладила разогретые спиртным тела, в воду подали в больших пиалах молоко верблюдиц. Считается, что это жирное молоко трезвит голову, хотя я всегда при его употреблении испытываю только желание очистить желудок. Через ещё минут пять все вышли из воды, оделись, и сели снова за столы выпить «на посошок» и насладиться горячим ароматным чаем, который в Азии никогда не разбавляют кипятком из другого чайника.

Возвращаясь в гостиницу, я заметил взволнованность Темирхана после короткого разговора с шофёром.

- Водитель говорит, что нас «пасут» весь сегодняшний день две машины с хивинскими номерами. Я уже не у дел и у меня нет врагов. Похоже, это по ваши души.

- Думаю, да. Но как оперативно, мы здесь всего первый день. Такое

впечатление, что люди приехали из Хивы прямо к прибытию самолёта, разве что с букетами не встречали, - мрачно пошутил я.

Мне не с кем было разделить чувство тревоги. Борис и Эдик «отключились», как только добрались до машины.

№ 11. ПЕСЧАНАЯ БУРЯ

Ночью действительно, как и предсказывал Яша, была песчаная буря, ветер всю ночь стучал в окна, не давая заснуть. И, когда я вышел во дворик гостиницы покурить, мелкие злые песчинки атаковали меня, словно москиты. В предрассветное небо взмывали серые песчаные столбы, лоя и засыпая случайных прохожих. Не было видно ни луны, ни звёзд. Похоже, они спрятались, предупреждённые пустыней о грядущей буре. Клубы ядовитого песка сплетались в шары, выстреливали комьями в разных направлениях, металась над землёй, напоминая метель. В завываниях ветра слышался гимн пустыни, восставшей против человека.

- Это сама природа хочет показать, кто в доме хозяин, - сказал мне охранник, которого я угостил сигаретой, - вы встаньте к дувалу 2), там меньше ветер, - посоветовал он мне. Я взял плетеный стул и сел под защиту стены, под стул тут же заполз щенок овчарки и лизнул мне руку, опущенную вниз.

В воздухе назревало давящее состояние опасности. Но я не осознал, в тот момент, что события покатятся по нарастающей, как снежный ком. Или применительно к месту, где мы находились, как засохшие клубки травы «перекасти поле».

№ 12. МУЗЕЙ. РАССТРЕЛЯН... РАССТРЕЛЯН....

Я сидел с Темирханом и Эдиком в гостиной за завтраком, когда в дверном проёме появился Борис с «синяками» под глазами и с трагическим выражением лица. Сославшись на сильную головную боль, он предложил сразу поехать в музей Савицкого, а осмотр крепостей перенести на другой день. Никто не возражал, учитывая начавшуюся за нами слежка. После вчерашнего банкета аппетит отсутствовал напрочь. И, выпив по две-три чашки чаю с бутербродами с чёрной икрой и съев по кисти жёлтого винограда без косточек, мы сели в машину. За нами по-прежнему следовала чёрная «Ауди» с хивинскими номерами.

По дороге я позвонил Алишеру и назначил встречу. Да, да, тому самому Алишеру, моему старому другу, с которым я вместе учился в институте, вместе работал в Москве. К сожалению, тяжёлая болезнь матери вынудила его уехать из Первопрестольной и вернуться в родной Ташкент. Эта самозабвенная любовь к матери мешала его личной жизни и не находила понимания в компании друзей. Но Алишер пресекал все разговоры словами: «Мать – это святое». Он так и не женился, отдавая

значительную часть своих доходов врачам. Неделю назад я попросил его приехать в Нукус вместе с художником копиистом и снять дом. Художнику было поручено начать копировать наиболее ценные картины музея и привезти с собой ранее выполненные работы. В частности, копии картин Фалька, Поповой, Штеренберга.

Когда я вошёл в прохладный вестибюль музея, Алишер уже ожидал меня, сидя на банкетке с газетой в руках. Мы периодически виделись. Приезжая в Москву, правда, теперь всё реже, он останавливался у меня, поэтому я почти не замечал перемен его внешности. Он выглядел, как советский инженер, в застиранной рубашке и выдавшей виды ветровке. Но в глазах ещё сиял задор бойскаута, идущего в поход. И только сейчас мне бросилась в глаза седина на фоне чёрных, как смоль, кудрявых волос.

- Кофе и молоко, - улыбнулся он, поймав мой взгляд, - правда, молока всё больше. После дружеских рукопожатий, Алишер сообщил мне, что за домом, который он снял в тихом районе Нукуса, ведётся постоянная слежка. И машину его до музея провожал мотоциклист.

В подтверждение наших опасений, в холл, вдруг, заглянул персонаж, напоминавший голодного пса, нет не забитую собачонку, а крупного серого короткошёрстного пса – хозяина улицы. Такие псы неизвестной породы знают, где найти пищевые отходы, где в тепле устроиться на ночь, как прогнать претендентов на территорию. Сидевшего на зоне нетрудно определить по быстрому скользкому взгляду, успевающему всё осмотреть и оценить ситуацию даже не мозгом, - шкурой. Он «сфотографировал» нас глазами, быстро определив, что моя встреча с Алишером не случайна и, повертевшись, вышел на улицу.

- Да, кто-то серьёзный «сел на хвост», значит, произошла утечка информации. Но ничего, мне есть чем их встретить. – Алишер отодвинул полу ветровки, показывая вложенный в кобуру пистолет Стечкина.

- Алишер, знаю твою храбрость, но умоляю, только без глупостей и без бравады. - Он кивнул, соглашаясь со мной.

В музее было безлюдно. Местные сюда не ходили, а туристов, приезжавших в эти края после распада Союза, было мало. Пока Борис вёл переговоры с директором, я решил осмотреть музей с экскурсоводом. Мы с Алишером стояли у входа в зал и обсуждали ситуацию, когда у меня за спиной раздалось лёгкое покашливание, призванное привлечь к себе внимание. Я обернулся, передо мной стояла молодая женщина, на вид лет под тридцать. Шатенка, судя по пряди волос, выбившейся из-под платка. В больших «профессорских» очках. В просторной одежде, скрывающей фигуру. Это был тот редкий случай, когда женщина старается выглядеть старше своих лет. И менее привлекательной, чем её создал Бог.

- Светлана, - представилась она.

... Приятный, нежный голос Светланы перенёс меня в другое время, и я слушал её, как сквозь пелену прошедших лет. Эхо гулких пустых залов музея множило её рассказ. Мы переходили от картины к картине, от художника к художнику.

Василий Шухаев ... много лет провёл в эмиграции...

путешествовал... в 1935 году вернулся на родину... весной 37-го осуждён по подозрению в шпионаже...

Комаровский Владимир... приверженец старорусского иконного стиля... расстрелян в 1937 году...

Вера Пестель... трагическая судьба... сын умер в лагере в 43 году... без права переписки...

Писецкая Вера (Руна) ... была арестована в 1930 году... скончалась в лагерях. Когда? Неизвестно ...

Гальперин Лев... «Причина смерти расстрел»... 1938 год...

Щукин Юрий... 1935... умер от туберкулёза...

Но мне не удалось дослушать экскурсию. К нам присоединился Борис. Видя его довольное выражение лица, я понял, что с директором можно будет договориться и о цене, и о нужных картинах. Но он сам ещё не был готов задиктовать весь список.

Как всегда темпераментный и напористый, он перешёл сразу к делу.

- Извините, что прерываю вашу экскурсию, но я хотел бы подробнее узнать о судьбе Владимира Тимирева. Ваша директор сказала, что его мать была гражданской женой Колчака?

- Да есть достоверные сведения, что это сын Анны Васильевны Тимиревой, урождённой Сафоновой.

- А Владимир - незаконнорожденный сын Колчака?

- Мы так говорим, Владимир, чуть ли не Владимир Сергеевич, а ведь это был двадцатичетырехлетний юноша, подающий надежды художник. Он рисовал алые паруса, на которых мечтал уплыть подальше от окружавших его упырей. Что он знал в своей жизни? Информацию о том, что мать находится то в одной тюрьме, то в другой. Вести о ранней кончине отца в эмиграции в Шанхае. Кстати, отец его Сергей Николаевич был храбрым офицером, имевшим награды десятка иностранных государств. Владимира родилась до знакомства его матери с Александром Колчаком. Владимира забрали по доносу, кого-то близкого к их семье, доносчик знал их историю - и об эмигранте отце, и о матери, беззаветно любившей Колчака. Владимир был расстрелян, как и немалая часть других творцов, представленных в этом музее.

- А судьба его матери как сложилась?

- Это тема целого романа. Но если кратко, очень образованная женщина из семьи известного музыканта, занималась живописью, свободно владела немецким и французским. Удивительно красивый и жертвенный роман с Колчаком, который был старше её почти на двадцать лет. Самоарестовала себя вместе с Колчаком в 1920, с тех пор арест за арестом, лагерь за лагерем, с короткими освобождениями. Власть как будто играла с ней в кошки-мышки, то выпуская, то вновь бросая в тюрьму, мстя за её любовь к расстрелянному на речке Ушаковке полководцу. После смерти Сталина она вышла на свободу и боролась за амнистирование расстрелянного сына. Так что, отвечая на ваш вопрос, можно с уверенностью сказать – это тот самый Тимирев, её сын.

Я понял, что Борис нашёл того художника и те картины, на которые

был заказ. Он и не скрывал своей радости, подмаргивая мне и показывая исподтишка большой палец. Он опять ушёл на переговоры с директрисой, определив свои интересы.

№ 13. СВЕТЛАНА И ЗАХУДАЛЫЙ РЫЦАРЬ

- Ну что? - спросила Светлана, - я больше не нужна?

Мне стало жаль эту умную, начитанную девушку, коротавшую вечера за книгой, потому что здесь и пойти-то некуда, а если с кем-то и пойдёшь, то «народная» молва тотчас назовёт тебя «ночной бабочкой», «гулящей», «женщиной лёгкого поведения» - я выбрал самые литературные определения.

- Нет, - сказал я уверенно, - мне хотелось бы продолжить знакомство с вами. Я не шучу.

Лирическая сторона моей души боролась с прагматической. С одной стороны, мне действительно было жаль эту умненькую эрудированную девушку, занесённую ветром истории не в тот век, и не в те земли. Были в ней, определённо, внутреннее благородство и естественность, присущие только творческим натурам. И, родись она в другую эпоху, она могла бы позировать Владимиру Боровиковскому, Ивану Крамскому или Валентину Серову и украшать собой художественные галереи.

С другой, прагматической стороны – я думал, а не привлечь ли её к нашей операции «Ы». Как специалист музея, она могла быть очень полезна. Нет, такую девушку упускать нельзя. Обычно, любовная и меркантильная линии идут параллельно, а тут они совпали.

- Как, вы второй день в городе и не можете обойтись без женского внимания? - с иронией в голосе спросила она.

- В Москве я обхожусь без него довольно долго. Мне, правда, хочется узнать вас больше, вы интересный человек, открытый и неподдельный, таких уже немного там – в больших мегаполисах.

Она сняла очки, смотря на меня, у неё были необычные зелёные глаза, и спросила с улыбкой: - Так что, вас ранил амур или просто меня пожалели? Представили, как я сейчас приду в маленькую квартиру в хрущёвке, что-то съем, не поняв даже что, и сяду читать Ахматову или Цветаеву, или Новеллу Матвееву?

- Хотите, мы заберем вас отсюда? У меня есть связи, устроим вас в Третьяковку, Ленинку, музей Пушкина?

В глазах её мелькнул лучик надежды, но потом победили осторожность и недоверие.

- А вы знаете, я хочу, чтоб меня увёз отсюда, хоть самый захудалый рыцарь, хоть на муле. Но меня, именно меня, без связи с моей работой, картинами... – она испытующе посмотрела мне в глаза.

- На роль захудалого, я как раз вне конкуренции, - отшучивался я.

- Не кокетничайте, у вас интеллигентная внешность, красивые руки, приятный голос, умный, проникающий в душу взгляд - вы должны

нравиться женщинам.

- Пытаюсь вот понравиться одной, но безуспешно. Ну, так как же пригласить вас, чтобы не испортить вашу репутацию?

- Пришлите за мной машину Темирхана Полатовича. Он порядочный человек, никто ничего не скажет.

- Да, Светлана, а откуда вы знаете, что я здесь второй день?

- Весь городок жужжит про съёмочную группу из Москвы с телохранителем и кейсом с деньгами и про то, как вы с мэром мокли в Амударье. Здесь мало событий, новость о высохшем Арале для нас уже не новость.

№ 14. СМЕРТЬ ТЕБЕ!

Борис явно не жаждал брать меня на переговоры с директором музея. А я и не набивался. Это был его бизнес, он вложил свои деньги, свой интеллект, свой страх, наконец.

Вернулся он в хорошем расположении духа, видно, повторные переговоры ещё больше упростили задачу приобретения картин. Своей манерой не ходить кругами, а прямо и чётко излагать мысли Борису удавалось расположить к себе многих, даже незнакомых людей.

- А что, господа, не организовать ли нам обед своими силами? Сами смотаемся на рынок, возьмём фруктов, парного мяса, попросим повара приготовить плов. Что мы эксплуатируем Темирхана? Сегодня воскресенье, а нам его опять вызывать? Дмитрий, позвоните, пожалуйста, дайте отбой. Алишер, вы ведь на колёсах, отвезёте нас? ... Мы отправились на рынок, поддавшись энтузиазму Бориса, наплевав на слежку, даже посмеиваясь, пусть, мол, смотрят и облизываются на нашу жратву.

Все развеселились, когда Алишер стал в лицах изображать, как мы им относим мясные кости и шкурки от дыни. Даже угрюмый Эдик вышел из состояния медитации и заулыбался, представив миску костей с запиской: «С барского стола - оголодавшей братве».

Продукты на рынке выбирал и торговался на узбекском языке Алишер. Восточный рынок немислим без возможности поторговаться. В этой «дуэли» проявляются деловые качества, сметливость «противоборствующих сторон». Но торговля уже сворачивалась, и продавцы уступали легче, чем обычно. Царство дынь от маленьких размером с кулак до 25-ти килограммовых. Дыни "гурбек", с тонкой шкуркой и нежной сладкой мякотью – это трель соловья в вечернем лесу. Когда вскрываешь "гурбек", по воздуху волной разливается аромат, сравнимый с запахами дорогой французской парфюмерии. Толстокожие сорта, более транспортабельные, здесь называют «московскими», и они продаются за копейки. Узбекские лимоны: со шкуркой апельсина и кисло-сладкой мякотью, а также огромные жёлтые с толстой цедрой и возбуждающим аппетит запахом. Разнообразие персиков – от мелких

сплюснутых до круглых величиной почти с футбольный мяч. Бараны потроха: почки, яички, сердца. Нежные ножки ягнят... За бесценку куриные яйца – местное население их не признаёт за еду.

- Борис, только не называйте кинзу-минзу травкой. Вас неправильно поймут и завернут совсем другое, лучше говорите зелень – это безопасно. В худшем случае продадут доллары, - смеётся Алишер.

Несколько раз мне казалось, что за нами следят. Но я отгонял от себя чувство настороженности, которое, как сверчок, начинало пощёлкивать в мозгу приливами крови. Это, наверное, простые воришки, говорил я себе. На рынке было ещё многолюдно, и напасть при таком скоплении свидетелей вряд ли кто-то посмеет. Я забыл, что на Востоке даже стены имеют уши, а глаза у целой толпы могут внезапно ослепнуть.

У горы с арбузами, куда мы подошли нагруженные продуктами, скопилось одновременно немало продавцов и покупателей. Мы тоже согнулись над полосатыми «ягодками», крутя хвостики и стуча по кожуре. Алишер подошёл к одному из продавцов. И тот «приветствовал» его словами «Ас-саму алейкум». Я вскинул голову, не веря своим ушам. (С арабского. Игра слов: «Ассаламу алейкум» - «мир вам», а «Ас-саму алейкум» - «смерть тебе»). И тут нас сразу атаковали.

Я лечу вперёд головой в кучу зелёных шаров, боковым зрением замечая, как Эдик увернулся от удара. Он бьёт противника кулаком в горло, выводя его из боя на ближайšie полчаса. Затем, обретя устойчивость, попадает ногой в грудь ближайшего из нападавших. Но ему мешает кейс пристёгнутый браслетами к руке. Всё это занимает доли секунды. Пытаюсь встать и снова получаю удар в спину. Бьют милицейской дубинкой, отбивая внутренности, но боли пока нет. Есть только страх, заставляющий двигаться с невероятной скоростью. Падая, я успеваю перевернуться и вижу, как, в отбивающего удары Эдика, врезаются палки с ножами на конце – одна, вторая, третья. Он падает вниз и над ним смыкаются тела нападавших. Я опять пытаюсь встать и снова удар – теперь уже по голове. С меня слетают очки, перед глазами всё плывёт. Уже погружаясь в темноту, слышу, как Алишер кричит: - Хотел, сучий сикель? На, лови! - Раздаётся выстрел, другой...Провал.

№ 15. КОГО «ИХ»? И КТО ПОГИБ

Сознание медленно выбирается из «чёрной дыры». С трудом представляю, где нахожусь. Вспоминаю разговор со Светланой. В памяти всплывает радостное лицо Бориса, предложившего поехать на рынок.

Как сквозь вату, слышу над собой голос Алишера.

- А я вам говорю, он отказывается от госпитализации. Я кто? Я его брат. Нет, не вру, просто он похож на русскую маму, а я на узбекского папу. - Мне становится смешно, я хочу засмеяться и встать, но не могу – тело не слушается и ужасно болит голова. Алишер замечает мои попытки двигаться и говорит, уже обращаясь ко мне.

- Ну хорошо, хорошо, ты похож на узбека папу, а я на русскую маму.

Вспоминаю смутно последние минуты перед ударом по голове, отправившим меня «отдыхать». Было что-то трагичное перед этим. Но что? С трудом поднимаю тяжёлые веки. Рядом Алишер спорит с врачом скорой помощи, и оба начинают терять терпенье, переходя на высокие ноты. Вовремя подходит Темирхан и спокойным, уверенным голосом, не располагающим к дискуссии, говорит врачу:

- Мы увезём их в гостиницу, а вы увозите погибшего.

Я пытаюсь сообразить - кого «их» и кто погиб? Поворачиваю голову - на мешковине рядом сидит Борис с забинтованной левой рукой. Я вспоминаю, как в Эдика воткнули палки с ножами на концах. Это оружие часто используют во время уличных беспорядков. Берётся палка, к её концу крепко привязывается нож, желательнее с фиксатором лезвия, вот вам и копьё, позволяющее бить на расстоянии. При появлении милиции нож прячется в карман, палка выбрасывается.

Пока мы ехали в гостиницу, Алишер сообщил мне подробности гибели Эдика. У него, ещё живого, отрубили кисть руки и унесли кейс. Нас троих тоже могли убить, поэтому он открыл огонь из пистолета и попал в двоих нападавших. Но, завладев кейсом, преступники потеряли к нам интерес и, унося раненых, растворились в толпе. Пистолет спрятал у себя вовремя прибывший Темирхан. В общем, к приезду милиции всё было чисто, только Эдик лежал в луже крови с отрубленной кистью.

№ 16. ОБЫСК И СНОВА УБИЙСТВО

На двух машинах мы добрались до гостиницы, и Алишер, забрав свой пистолет у Темирхана, поехал посмотреть, как обстоят дела в арендуемом доме.

Мы сидели в гостиной, пили чай, Темирхан по мобильному телефону вёл переговоры с местным начальством. Наконец он достал носовой платок, вытер пот со лба и сказал: «якшиЗ»). Он договорился с мэром и с начальником милиции, чтобы нас не дёргали по пустякам. Утром приедет толковый следователь и снимет показания.

Вернулся Алишер и незаметно подал мне знак - выйти из гостиной. Я покрутил сигарету и вышел во дворик вслед за ним. Его сообщение не прибавляло оптимизма. В арендуемом доме тоже побывали «гости». Художник копиист убит, и всё перевёрнуто. Сами копии, сделанные им здесь и привезённые из Ташкента – остались. Они были разбросаны по полу. Холсты их не интересуют, им подавай реальные деньги, – подытожил Алишер.

Мне показалось, тело моё всё глубже проваливается в зыбучий песок и мне уже не выбраться из него. Клубок неприятностей закружился вокруг нас, как высохшая трава, гонимая по пустыни ветром.

- Куда ты дел тело? - Я поймал себя на мысли, что о «теле» спрашиваю так, как будто речь идёт не об убитом человеке, а о пачке

сигарет.

- Спрятал пока в подвал, кровь затёр. Дом снят на его имя на две недели, в ближайшее время хозяева дома не появятся.

– Что ещё? Я вижу, ты что-то не договариваешь.

- Не хотел тебя пугать, но горло ему перерезали от уха до уха. Боюсь, на хвосте у нас люди Рембо Хивинского. Они не любят оставлять свидетелей. И зарезать неверного, как свинью, это их подчёрк. От нас они так просто не отстанут, на рынке они растворились по одной причине – думали, что взяли деньги в кейсе. Увидев, что в кейсе кукла, они помчались в снятый нами дом за разъяснениями к художнику, полагая, что дом снят не зря, и в нём может храниться какая-то сумма. Думаю, художник и заложил нас. Замки нигде не взломаны, наверное, сам впустил. Моя вина, я ему доверял.

- Копии ты забрал?

- Конечно, лежат у меня в багажнике.

Я потрогал его за плечо.

- Скажи честно, ты тоже в зыбучих песках, ты чувствуешь, как чёрное чрево...?

- Ты о чём? – Перебил меня Алишер. - Тебе полежать надо, дубинкой тебя крепко приложили, я поэтому и стрелять начал, думаю ещё удар и убьют.

В гостиную мы вошли вместе, и Алишер повторил свой рассказ, не сообщая при Темирхане ни о гибели художника, ни о копиях.

Темирхан, взяв бразды правления в свои руки.

- Ну, теперь, завладев кейсом с деньгами, они от вас отстанут. Я, тем не менее, попросил начальника милиции поставить у ворот гостиницы пост. Милиция считает – это дело рук Усмана Ходжаева, он же Рембо Хивинский. Его банда контролирует и Нукус в том числе. Надо сделать распоряжения относительно Эдика, я имею в виду отправку тела в Россию. У него есть какие-нибудь родственники? Полагаю, Борис, вы свяжитесь с его охранным агентством.

Проводив Темирхана до машины, я вернулся в гостиную.

- Борис, давайте на чистоту, в кейсе Эдика была «кукла»?

- Считаю, это моё личное дело, как вести бизнес.

- В Москве, да! А здесь мы все в одной лодке. Темирхан думает, что бандиты отвяжутся от нас, взяв деньги, но ведь это не так. Они ещё больше обозлились, получив кукиш. Или вы хотите нас всех тут положить? Ну, мы ещё сознательно в это ввязались, а Темирхан, бандиты не знают, что он не в теме, могут напасть и на него. – Я начал заводиться.

- Но я всегда так поступаю в Москве, большие деньги вожу в обычных пакетах, а «куклу», или муляж, вручаю охране. Я не хотел смерти Эдика. Планирую завтра купить картины и всё. Будем выбираться отсюда.

Зазвонил мой мобильный. Темирхан:

- Дмитрий, встречайте гостей, её чуть милиция не арестовала.

В гостиную вбежала Светлана:

- Господи, все живы! Я уже не знала, кому верить. По городу пошли слухи, что вас всех убили. Сарафанное радио.

Она вдруг смутилась своей горячностью и умолкла, глядя мне в глаза и, как будто спрашивая, ждал ли я её появления. Борис сказал Алишеру занять комнату Эдика, и они деликатно разошлись по номерам.

Мы остались в гостиной вдвоём. Был слышен только звук настенных часов. Тик-так, тик-так, листали они страницы наших жизней. Тик-так, тик-так, сколько осталось мне и сколько тебе? Тик-так, может быть, что-то выпадет и для нас обоих? Это тиканье бывает страшнее приговора лесной кукушки, крикнувшей пару раз ку-ку, после вопроса «сколько лет мне жить?»

Я подошёл, снял с неё ветровку и повесил на спинку стула. Она стянула спортивную шапочку и освободила волну каштанового цвета волос, от которых исходил нежный запах цветов Востока, чуть пряный, раскрывающийся только ночью. Неброских цветов, спрятавшихся в тени камней в вечной борьбе за выживание. Она напоминала миниатюрную статуэтку. Облегавший её фигурку свитер подчёркивал тонкую талию и обрисовывал грудь. Джинсы обтягивали стройные ноги, и даже размер кроссовок указывал на небольшую ножку их обладательницы. На лице появилась косметика. («Ах ты, лисичка, - подумал я, - веришь слухам, что нас убили, но на всякий случай подвила глазки и подкрасила губки»). Как красивая бабочка выходит из кокона, так и она преобразилась, сменив свою музейную робу.

Мне было понятно, зачем она носит робу, пряча изящные формы фигуры, повязывает платок, надевает очки. Это маскировка от докучливых местных ухажёров, которые могут приставать, а могут и затащить в машину насильно. А потом высадить девушку где-нибудь на дороге. При этом в глазах общественности виновата будет жертва. Восток очень строго и в основном несправедливо судит женщин. Как-то в одном небольшом узбекском городке мы увидели только построенное, оригинальной архитектуры здание городской бани. Сказали принимавшей стороне, что хотели бы попариться. Нам ответили, что мужское отделение забито до отказа, и нам будет в нём неудобно. А вот женское – абсолютно пустое, и, если мы не возражаем, можно всё организовать на женской половине в любое время. Это вызвало удивление: почему прекрасный пол не ходит мыться в городскую баню? Ответ был прост: про женщин, которые стали посещать это заведение, по городку пошла молва, что они «бияди и пириститутки».

- Ты так рассматриваешь меня. Я чувствую себя неловко. Расскажи, что с вами произошло. В городе говорят о Рембо Хивинском.

- Нет, я не рассматриваю тебя, я люблю тебя. Знаешь, мы вчера видели Яшу – юродивого пустычника, он предсказал, что Эдик погибнет, я влюблюсь, а Борис станет скитальцем. Как ни странно два предсказания

уже сбылись.

Светлана с недоверием посмотрела на меня и уклонилась от обсуждения моих незатейливых комплиментов.

- Так значит, жертвы всё же были?

Поняв, что рассказа не избежать, я в общих чертах обрисовал происшествие на городском рынке.

- Тебя сильно ударили? Бедняжка. – Она погладила мои волосы.

Я задержал её руку в своих и поцеловал. Рука была чувственная и нежная. Мне было ясно - она не знает, как быть со мной. Идти на близкие отношения или нет. Она ещё не решила. Я тоже не стал форсировать события, хотя меня к ней влекло.

- У вашей группы какой-то особый интерес к музею?

- Собираемся снять о музее фильм.

Я заметил явное сомнение в её глазах.

- Снимать планируете в будущем, а деньги в кейсе привезли сейчас?

Нет, хоть мужчины и считают, что женщины глупее их, но ведь ни на столько. Ты, может быть, не обратил внимания, но я не блондинка. Переговоры Бориса с директрисой. Его интерес к Тимиреву. Да и вряд ли канал «Культура» обладает средствами на презенты чиновникам, командировочные в гостиницу «райский уголок», на икру, машины, вызов друзей из Ташкента и т.д.

Я смотрел на неё с всё возрастающим вниманием. Обычно мужчинам не нравятся постельные дела со слишком умными и деловыми женщинами. Мужчины хотят доминировать в интимных отношениях, диктовать свои условия. Это генетические отголоски древнего самца, имеющего прайд из нескольких самок и решающего куда идти, как охотиться и какую из самок выбрать сегодня.

- Чего ты добиваешься?

Она посмотрела мне в глаза и, может быть пожалела, что наши отношения начинают принимать ни столько любовный, сколько деловой характер, но сдержать себя не смогла.

- Поверь, ты мне симпатичен. И я действительно мечтаю выбраться отсюда, но не за ради бога, я хочу стать партнёром, который будет нужен и сегодня, и завтра. И потом, ты знаешь, я так сроднилась с музеем, мне не безразлична его судьба, я не помню себя без музея. Как дети многих артистов проводили всё время за кулисами, так же и я всё время проводила в его залах и хранилищах, в зависимости от того, где работала мама. Все играли в куклы, а я в рисунки с картин, нарисованные моей детской рукой. Я знаю эту коллекцию так, как никто другой, с завязанными глазами я могу найти любой экспонат.

Я заметил, что она очень взволнована, у неё покраснелись щёки и голос стал как у мамы, увидевшей, что на асфальте растянулся именно её ребёнок, а не кто-то другой из группы гулявших во дворе детей. Я объяснил это изменение тем, что она хочет войти в долю и поскорее уехать из этого пустынного края. Этого она не скрывала.

- ЯкшиЗ), я подумую.

Она, посмотрев на часы: - Ой, уже поздно, мне надо как-то добраться до дома.

- Оставайся, я предупрежу ресепшен и оплачу номер. Утром отвезём тебя на работу.

Мы расстались спокойно, как партнёры, без проявления эмоций.

Попытался заснуть, но после всего пережитого мои попытки читать, считать ни к чему не приводили. Впрыгнув в джинсы и натянув на голое тело джемпер, я вышел во дворик гостиницы.

- Опять не спите. - Сказал мне охранник отеля, постоянно удивлявшийся, как это можно ночью не спать, если никто не мешает.

Угостив его сигаретой, я сел на скамейку. Что ж, она права. И мне без неё не удастся начать самостоятельную игру, а я почувствовал, что период разминки уже прошёл, и я готов выйти на поле. Возрождавшаяся во мне решимость кружила голову, здесь в пустыне я вдруг почувствовал себя помолодевшим, сопровождавшая последние годы апатия отступила. Ну что же, мои 48 лет, пожалуй, ещё не вечер, или хотя бы не поздний, - подбадривал я себя.

Пройдя вдоль стены и вычислив её окно, я кинул в стекло маленький камушек. Раз, второй, третий. В окне показалось заспанное лицо Алишера, увидев меня, он покрутил пальцем у виска, не очень вежливо намекая, что я неправ. И показал на соседнее окно.

- Кечирин4), - прошептал я губами.

- Хечкеси ёк 5), – улыбнулся он и пошёл досыпать.

Я повторил операцию с камушками. Она сразу появилась в окне, завёрнутая в простынь, очевидно, тоже не спала. Я показал жестами, что хочу с ней поговорить. И она согласно кивнула головой. Я вернулся в помещение и подошёл к её двери, дверь была приоткрыта...

№ 18. ПЕРЕХОДИ НА «ГУРБЕК»

У неё была нежная кожа, по-девичьи упругая небольшая грудь и море обаяния, в котором легко утонуть. Минут через 20 мы зажали друг другу рты, стараясь не закричать, и вместе рассмеялись. Она пошла в ванну, я лежал опустошённый, с блаженным выражением на лице. Вернувшись, она вынула из кармана ветровки пачку с длинными тонкими сигаретами, закурили, помолчали. Бесплезно спрашивать женщину курит ли она. Ответ будет «нет». Но в период душевных волнений всегда откуда-то вынырнет пачка фирменных сигарет, как по мановению волшебной палочки.

- Рахмат6), ты прелесть, - прошептал я.

- За любовь не благодарят, на неё отвечают взаимностью. Благодарят за секс. Так у нас с тобой только секс или что-то б`ольшее? – С улыбкой спросила она.

Я задумался, несколько обескураженный вопросом. А девушка совсем не беззащитна, и я бы даже сказал, опытна во многих вопросах.

- Вот она чисто мужская реакция. Не задумывайся так глубоко, я пошутила, – и уже сосредоточившись, - ну, так что ты скажешь, мы партнёры в вашей азиатской авантюре?

Внутренне я уже решил для себя, что «да». И выложил ей свой план, почти ничего не утаив. Она выслушала внимательно моё повествование и после паузы сказала:

- Как-то была я с коллегами в Хорезме. Зашли в этнографический музей. Директор накрыл стол в саду под чинарами. Сидим, пьём чай. А вокруг ходят павлины, фазаны, декоративные цесарки, и, среди этих красивых птиц, вдруг четыре курицы и две утки. Спрашиваю у директора, зачем здесь куры, утки, они могут заразить дорогую прихотливую птицу. А он мне объясняет, что год назад, его вызвали в Ташкент. Вернулся через три дня из командировки и видит: украли двух павлинов и четырёх редких дорогих фазанов. Сумма кражи – несколько тысяч долларов. А тут как раз к нему проверка. Что делать? Стал смотреть накладные на получение этих диковинных птиц. А там чёрным по белому за подписью поставщиков значится: птица дворовая – 30 штук. И всё! Запустил он в птичью стайку четырёх кур и двух уток, и стало их ровно 30 штук. Комиссия посчитала, всё сошлось. Так с тех пор эти куры, утки и гуляют вместе со своими аристократическими родственниками. Ты понимаешь о чём я?

- Конечно, - я кивнул, - если и мы тоже оставим вместо картин копии, хватятся не сразу, если вообще хватятся. По бумагам всё будет тип-топ. В этой коллекции никто не ожидает подделок.

Светлана, сделав паузу:

- Главное в музейном деле, как считать и как учитывать. Есть в музее Савицкого картина Самуила Рубашкина 1974 года. На ней художник изобразил разгон бульдозерами нонконформистской выставки в Москве, в Беляево. Знаменитая «бульдозерная выставка», ставшая олицетворением борьбы за свободу самовыражения в искусстве. Она, как ты помнишь, по приказу советских властей была раздавлена бульдозерами. Ну, на чьей стороне был Савицкий, ты догадываешься. Ему очень хотелось вывесить эту картину, как символ непокорённого духа российской интеллигенции, но ему в те годы никто бы этого не позволил. А он не мог подвергать опасности музей, в создание которого вложил столько сил. Тогда он называет её «Праздник весны в парке» и картина спокойно висит на самом видном месте.

- Ты не поверишь, я был на этой выставке под открытым небом с отцом. Я, тогда ещё желторотый пацанишка и отец – «интеллигент в третьем поколении». Я многое хорошо помню даже сейчас: и эту решимость не подчиняться, и милицейское оцепление, и появление бульдозеров, вминавших картины в грязь, и чувство горечи за невозможность оказать сопротивление. Я поймал на себе её пристальный взгляд.

- Да, я такой старенький, - усмехнулся я.

- Нет, я подумала совсем о другом, как вообще тебя занесло в

компанию похитителей картин?

- Ууу, девочка, это довольно банальная для наших дней история, давай отложим её на потом. Я тебя перебил, продолжай.

- Да я собственно хотела сказать, что многое зависит от описания, документации на экспонаты. Плохо поставлен учёт во всех музеях, даже в «Эрмитаже». Ты же помнишь дело о крупных кражах из этого авторитетного заведения. Всё списали на стрелочников. Я три года назад была в Москве, ходила по антикварным салонам. Конечно много подделок, но много и подлинников. Откуда их вдруг так много, и в отличном состоянии? Воруют из запасников и в столицах, и в провинции. Всё зависит от самих работников музея. Так называемый человеческий фактор. В музейном деле он проступает не менее рельефно и не менее дорого обходится, чем, например в авиации. Написано, скажем, ваза синяя с белым цветком. Значит, если ты имеешь к этому доступ, забирай старинную вазу и ставь более позднюю, подходящую под описание.

- Ты хочешь сказать, что современные методы выявления подделок настолько неэффективны? Но ведь физико-математические достижения в середине прошлого века позволили вскрыть ряд сенсационных подделок и просто заблуждений. Например, знаменитый бюст Юлия Цезаря, приобретённый Британским музеем ещё в 1818 году и считавшийся античным оригиналом, выполненным при жизни полководца – мягко говоря, не соответствует эпохе. И возможно мы никогда не узнаем, как выглядел великий Цезарь в действительности. Тогда же было установлено, что в музее Корнелия хранятся подделки Коро, что несколько подделок закупил музей Пола Гетти. Даже в известнейшем Метрополитене были обнаружены поддельные экспонаты.

- Я хочу сказать, - запальчиво произнесла она, - во-первых, эти методы достаточно дороги. Далек не каждый музей может себе их позволить. Во-вторых, исследовать такое количество экспонатов, которые хранятся в музеях, просто невозможно. И, наконец, ты не хуже меня знаешь, что на всякое действие возникает противодействие. Достаточно вспомнить имена Эрика Хебборна, Джона Майата и им подобных, способных выставлять на рынок подделки под Дали, ван Гога, Ренуара, Сезана, Гогена, список можно продолжать до бесконечности. Говорят, Шагал лично обнаружил в Метрополитене подделку своей картины.

- Я понимаю, конечно, – борьба за подлинники остра, как никогда. Под кассовых художников приобретаются по дешёвке картины неизвестных художников той же эпохи. Картина уничтожается и на подлинный освободившийся холст наносятся грунтовка и краски, изготовленные с компьютерной точностью по старинным рецептам, плюс механизм старения картины и т.д. Но ведь тем для нас и интересен музей Савицкого – отсутствие подделок, кладёшь новых имён, которые можно раскрутить. Наконец, так ценимая среди коллекционеров легенда под конкретное произведение искусства. Здесь этих легенд можно наштамповать сколько угодно: и трагическая гибель творца в сталинских лагерях, и трудные поиски полотен Савицким...

- Ладно, - прервала меня Светлана, почему-то надув губы, - завтра будет трудный день, давай попробуем немного поспать.

Так она вошла в дело и в мою жизнь. А утром мы ещё раз подтвердили наш договор любовной близостью. На кусочек времени из моей бесполезной жизни я почувствовал себя счастливым, растворяясь в тепле её только проснувшегося нежного тела. И я сказал ей по-узбекски: «Мен сени севамян». Слова, которые звучат прекрасно на всех языках: «я тебя люблю».

- С сегодняшнего дня переходи на «гурбек».

Она поняла мой намёк на предстоящую свадьбу и улыбнулась.

В прежние времена невест в Каракалпакстане сажали перед свадьбой на месячную диету – дыни «гурбек» и лепёшки. По словам стариков, помнящих этот обычай, к свадьбе невесты были стройны, как молодые деревца, быстры, как лани, и белокожи, как только что выпавший снег.

№ 19. В ОКРУЖЕНИИ СПЛЕТЕН

Уютно расположившись в моём номере, мы рассматривали копии картин, привезённых Алишером. По словам Светланы, они были выполнены «довольно профессионально» и отсутствие подлинников должны заметить не скоро, тем более что все копии были сделаны с картин из запасников, брать картины из залов мы не планировали. Но было также понятно, что любая серьёзная экспертиза тут же выявит их несоответствие настоящим полотнам.

- Сегодня и на вахте, и в охране знакомые люди. Меня пропустят, несмотря на то, что по понедельникам музей закрыт. Эти люди хорошо знали мою маму. Она работала тут с первого дня и её очень уважали. Меня они никогда не проверяют.

- А если проверят холсты? Лучше я пойду с тобой, у меня, по крайней мере, командировочные документы от телеканала.

- Нет, будь на виду, твоё отсутствие сразу заметят. Я знаю, где что находится в запасниках, я справлюсь, не волнуйся.

За обеденным столом помимо меня сидели Борис и Темирхан. Вскоре Борис, сославшись на головную боль, ушёл в свой номер и я, как когда-то 18 лет назад, делил трапезу вдвоём с Темирханом.

- Борис твой, думаю, доволен. Директор сама проводила его до машины с подшивками старых газет, подарочными изданиями. Он обещал приехать через месяц. Говорит, надо подготовиться, написать сценарий, составить смету и можно ехать обратно.

Он помолчал и вдруг спросил: - Вы мне скажите, когда сватов засылать будем? Вы же мне говорили, что после смерти жены у вас ничего серьёзного нет.

- Темирхан-ака, вы же знаете, вы мне, как родственник, ну какой я жених? Лет много – здоровья мало. Долгов много – денег мало.

- Вы думаете, чего пристал ко мне этот старый дурак. А я просто долг

отдаю. Он поймал мой вопрошающий взгляд и продолжил.

- Я когда-то мать Светланы не отпустил из республики. После смерти Савицкого она хотела уехать за границу, поклонник у неё был – директор музея в Канаде, хотел жениться на ней, но в Каракалпакию переезжать отказался.

Я внимательно слушал рассказ Темирхана.

- Авторитет Игоря Витальевича Савицкого в те годы был невероятно высок. В том числе и в партийной верхушке республики. Все понимали, что он вывел Каракалпакию на новый этап развития. Благодаря музею о нас узнали в мире. К нам поехали туристы, иностранные делегации, именитые гости. Республику стали лучше финансировать. Почему я не разрешил уехать матери Светланы? Она лучше всех знала музей, а музей в те годы нам был очень нужен. Собственно, я поломал ей жизнь. Замуж выйти я ей не дал, но и директором музея назначить не мог – она была из семьи репрессированных. Да и сама - та ещё диссидентка. На посту директора нужен был член партии, а она в КПСС, конечно, не состояла. Единственно, что я сделал – это дал ей отдельную двухкомнатную квартиру в новом доме и помог дочке получить образование в Ташкенте.

- Ну что же, Темирхан-ака, вам не в чем упрекать себя, в те годы выезд из страны был закрыт. Даже если бы вы дали добро на выезд матери Светланы, её не выпустили бы вышестоящие ташкентские товарищи. А если выпустили бы мать, то всё равно дочь оставили бы в республике, да ещё и занесли бы в чёрный список. А двухкомнатная квартира на двоих, это хороший подарок по меркам нашей страны.

- Но вы представляете их жизнь здесь в небольшом городе в окружении сплетен и домыслов? Надо было отправить их в Ташкент, но музей, он как каземат держал их здесь.

- Сплетен и домыслов о чём? – Удивился я.

- Светлана вам ещё не сказала? – он помедлил, решая говорить мне или нет, - о том, что она внебрачная дочь Савицкого. Я хочу выполнить долг перед матерью и отпустить её дочь отсюда. А самое лучшее - выдать замуж. Я думаю, ей в Нукусе неуютно и она хотела бы уехать. Выдержать многолетнее шушуканье за спиной – это не просто. Они спешили в музей, желая скрыться от любопытных глаз в его запасниках, как в крепости. Часто они и ночевали в музее. Светлана должна либо поклоняться ему, либо ненавидеть.

Tertium non datur7). Но я вам ничего не говорил.

Да, для меня эта новость кое-что объясняла в её поведении. И раз Темирхан перешёл на высокий латинский слог, мне стало понятно, что судьба Светланы очень волнует его. Я вспомнил случай двадцатилетней давности. Состояние дел в республике заслушивали на «высокой комиссии» в Москве. Я помог Темирхану подготовить доклад. Но в ходе заседания, он так разнервничался, что выступая с трибуны, часто перемежал свою речь то латинскими, то арабскими сентенциями. (В детстве он получил отличное образование). В результате никто ничего не

понял. Но после заседания московские начальники подходили к нам, жали руки и говорили: «Дааа». А Черномырдин, имевший среди сослуживцев прозвище Цицерон, тряс руку Темирхана дольше всех и предложил ему должность в своём отделе. «Выступить некому, многие нас не понимают», - жаловался он. Я напомнил Темирхану этот случай, и он смутился, вспомнив своё волнение.

- Может быть, Виктор Степанович и не был прирождённым оратором, но газовую отрасль знал прекрасно.

Я знал, что Темирхан относится к той редкой категории людей, которые не любят конъюнктурить и имеют смелость брать ответственность на себя. На Востоке есть хорошая поговорка: «Легко быть смелым, когда лягаешь дохлого льва».

№ 20. ДРАМА В МУЗЕЕ. НАДО УЕЗЖАТЬ

Нервы были на пределе. Уже стемнело, когда раздался звонок мобильного телефона. Я услышал взволнованный голос Светланы.

- Ничего не спрашивай! Нам всем надо уезжать. Мы скоро будем.

Постучав в дверь, я быстро вошёл в номер Бориса и передал слова Светланы.

- Интересно, в какую историю она влипла, и причём тут я? Я отдал директрисе деньги, у меня денег нет. Пусть местные сами решают свои проблемы. Думаю, они сумеют договориться лучше нас.

Позвонив Темирхану и попросив его не отпускать водителя, я пошёл укладывать вещи. Светлана и Алишер подъехали через 20 минут.

- Постараюсь телеграфно, - быстро начала она, - была сегодня на работе, и когда собралась уходить, вахтер попросила меня посмотреть, что делает директор. На внутренние звонки не отвечает, сидит у себя в кабинете и домой не уходит. Поднялась в директорский кабинет, а она лежит в луже крови, - Светлана закрыла лицо руками.

- Горло перерезано и из раны фонтанирует кровь, на лице пластырь. Наверное, пытали. Сейф распахнут настежь, все бумаги на полу. Я взяла лежавшую на столе связку

ключей и заперла кабинет. Спустилась на вахту и сказала дежурной, что директор просит не беспокоить, очень много срочной работы для москвичей. Спрашиваю дежурную, не проходил ли кто из незнакомых людей? Нет, все свои, говорит. А вообще кто проходил сегодня после отъезда коллеги из Москвы? Да, говорит, два электрика. Сознательные такие. Она им сообщает, - понедельник в музее выходной. А они ей, - знаем, пришли, чтобы людям в рабочий день не мешать. И где, спрашиваю, они сейчас? Она отвечает - ушли и даже не попрощались. В общем, картина такая, сопроводил их охранник в зал, как положено по инструкции. Они убили его и поднялись в кабинет директора. Ну, дальше - всё ясно. У нас есть часа три, не больше. Будет смена дежурных, найдут убитого охранника, поднимутся в кабинет директора и всё закрутится.

- Да, обыщут наши вещи и найдут холсты. Жаль, что арендованный дом «завалился», - заволновался Борис.

- Милиция здесь хоть и продажная, но не идиоты. Вы, Борис, один на один общались с директрисой, а после вас её кто-то убил. Брат у неё весьма влиятельная фигура, он не даст закрыть дело. Нас задержат, свяжутся с Москвой. В Москве копнут поглубже и узнают, что никакие мы не киношники. Ну и так далее. Кстати, законы в Узбекистане очень суровые.

- Да, - с тревогой посмотрел на меня Борис, - вы умеете подбодрить.

Мы быстро обсудили план нашего бегства. Рейса на самолёт дожидаться не удастся. Путь один - через безвизовый Казахстан, оттуда в Москву.

- Мне удобнее бежать через Ташкент. Во-первых, ближе, а главное, у меня есть второе гражданство – американское. Меня примут в посольстве и вывезут в США. Даже в случае возбуждения уголовного дела меня не сдадут узбекским властям, - изложил Борис свой индивидуальный план спасения.

- Хорошо, тогда Борис едет на машине Темирхана, я уверен, что он не откажет. А мы втроём через границу с Казахстаном.

Я знал: Темирхан, конечно, обидится, что я уехал, не попрощавшись, но выхода не было. Если доберёмся, позвоню с извинениями из Москвы.

Борис отозвал меня в сторону.

- Слушайте, какая выдержка, какая сила воли?

- Вы о ком?

- Я ведь не вчера родился, мне понятно, что Светлана делала сегодня в музее, и где был Алишер. Вот уж действительно достойная дочь - достойного отца.

- Господи, Борис, откуда вы всё знаете?

- Про внебрачную дочь Савицкого мне рассказала ночью горничная, об этом в Нукусе знают все.

- Я вижу, на вас и горничные работают, и даже в ночную смену.

- А вы не заметили, здесь очень тёмные ночи, страшно одному.

Мы пожали друг другу руки и разъехались в разные стороны.

№ 21. ПЕРЕСТРЕЛКА В ПУСТЫНЕ

- Интересно, - думал я, - отпустит нас пустыня или проглотит? Как проглатывает целые караваны в Сахаре, идущие по дорогам смерти. Берберы – кочевники Туниса и Марокко рассказывали мне, что в глубине Сахары они слышат голоса людей, мычанье животных, заживо погребённых в песках. Кочевники верят, что глубоко под пустыней протекает большая река и провалившиеся путники живут на её берегах. Иногда вода этой подземной реки прорывается наружу и в этом месте расцветает оазис.

Прощальный круг по центру Нукуса: памятник Улугбеку, здание правительства, центральный банк (пожалуй, самое оригинальное и

красивое строение города). Мы едем к дому Светланы, забрать необходимые документы и вещи.

Запас минеральной воды, полный бак и канистра бензина - и мы вступаем во владения пустыни, пробираясь по ухабам на знавшей лучшие времена «десятке» Алишера. Вокруг ни единого огонька, никаких признаков пребывания человека на этой планете, кроме мусора, разбросанного вдоль дороги.

Луна и звёзды, как и тысячи лет назад, безучастно смотрящие на эту землю, да огни фар – вот и вся наша путеводная нить. Точно так же, напрягая глаза, всматривались в темноту солдаты Александра Македонского, конники Чингиз-хана, арабские завоеватели, турки-сельджуки, армия Тамерлана, русские казаки. Кто только не пытался захватить эти некогда богатые, плодородные земли. Но победителем стала пустыня, изгнав со своей территории всех людей.

Уезжая с обитаемой земли, мы заметили несколько огней от фар и услышали характерный звук мотоциклов. Жёлтые огни скользили из стороны в сторону, прыгали по песку. Шум моторов далеко разносился по поверхности пустынной территории.

- Один, два, три..., - считал вслух Алишер, - семь человек точно видел, а может быть и больше. Одним моим стволом не обойтись.

- Это и так понятно, - нервно произнёс я, - если у тебя есть ровная трубка, то я могу плевать в них бузиной или рябиной.

- Он ещё шутит, хохмач, - огрызнулся Алишер.

На самом деле мне, как и моим спутникам было не до смеха. Конец подкрался внезапно, как будто взял и открыл книгу на последней странице. Больше всего я боялся за Светлану. Нас убьют сразу, а её, безусловно, будут несколько дней насиловать, а потом продадут в одну из соседних стран в качестве бесправной рабыни.

– Давай мне ствол, я в школе имел разряд по стрельбе. А сам езжай по песку, вскарабкаешься на бархан повыше и скатывайся вниз, может уйдёшь. Светлана, едешь с Алишером. И никаких обсуждений. – Голова мыслила чётко, страх отступил. Сказались годы командировок по бурлящей Советской империи.

- Очкарик чёртов, давай, сам беги со Светланой, разряд у него в детском саду был, мать твою. – Кипятился Алишер, пытаюсь дать возможность спастись мне. – А эти падлы жадные, взяли деньги за картины, так им всё мало.

- Ты же не знаешь точно, кто что взял, может быть, теперь мы исполняем роль кейса, а Борис, как всегда, везёт основную сумму в авоське. Здесь я выйду, здесь хорошее место, с этого бархана удобно стрелять. И без разговоров! Я плохо вожу машину и хреново вижу в темноте. Без тебя, дружище, мне всё равно не выбраться из пустыни. Считай, что спасаешь не себя, а только одну Светлану. – Я тихо закрыл дверцу машины и они, выключив фары, поехали дальше.

Вскарабкался на бархан и приготовился к встрече «участников мотопробега». Рядом замелькали какие-то тени. Много теней, но у меня уже

не было времени пугаться. Я повернул голову, стараясь рассмотреть новых участников ночного шоу. Рядом со мной стоял коренастый рыжий пёс с мордой покрытой шрамами. По экстерьеру было понятно, в роду его проходили бойцовские собаки, вожаки стай. Он был на удивление похож на пса из моего ночного кошмара. Это были собаки-парии Востока, собаки неопределённой породы, живущие поколениями сами по себе. Большие стаи этих животных терроризируют аулы, а порой и города. Обилие бездомных собак – присуще Востоку.

- Ты уж не жри меня сейчас, дай уехать машине, а когда меня застрелят, я весь твой, со всеми потрохами, - сказал я собаке молитвенным тоном. И вдруг, крупный сильный зверь повернулся и ушёл.

Через минуту с барханом поравнялся отряд мотоциклистов, и я, уже ничему не удивляясь и мало что понимая, выстрелил в первого бандита. Тут же без остановки во второго. Чувствовалось, что атаки с нашей стороны они не ожидали. В их сценарии мы были дичь, а они охотники. Спрыгнув с мотоциклов, они начали стрелять в мою сторону, пули рядом с головой зарывались в песок. Сейчас они сообразят и обойдут меня с разных сторон, а у меня всего два патрона. Я скатился с бархана и почти в упор выстрелил в «бойца», забежавшего с боку. Он громко вскрикнул. И тут началось. Собаки-парии со всех сторон бросились на моих преследователей. Раздалась беспорядочная стрельба, лай, визг, мат, крики о помощи. Эта какофония в ночи разрывала уши. Бедная пустыня, её пробудили от глубокого сна. Где-то вдали «зарыдали» шакалы, претендуя на свою долю добычи, испуганно шархнулись в небо ночные птицы, любопытный тушканчик высунул нос из норки и поспешно спрятался опять. Темноту на миг осветили всполохи молний, и я увидел страшную мистическую картину, достойную мрачной кисти Босха: схватку человеческих существ и большой стаи обезумевших от запаха крови голодных зверей. Взревели моторы, часть потрёпанных бойцов бежала с поля боя на мотоциклах, бросив раненных и убитых товарищей. И всё смолкло. Слышен был только отвратительный хруст человеческой плоти на зубах крупных псов. Я пошёл по дороге в направлении уехавшей машины Алишера.

Через 10 минут он подобрал меня: Ты цел? – С удивлением спросил он. - Что это было, дьявольщина какая-то? Казалось, что орут и люди и звери, я сразу повернул назад. У тебя не осталось патронов. Ну, ты даёшь.

Светлана прижалась ко мне, спрашивая глазами, миновала ли опасность. Она держалась храбро, без истерик, и без ненужных слов.

Я устало закрыл глаза: - Отдохни. Это были миражи, в которые нельзя верить. В реальной жизни больше мистики, чем мы в состоянии переварить.

№ 22. НИЩИЕ, НО СЧАСТЛИВЫЕ

На узбекско-казахской границе плачу не суммы, не рубли, а бумажки, напечатанные за тысячи километров отсюда в далёкой Америке. Почему

эти кусочки макулатуры стали мерилем всего окружающего нас мира? Вопрос – без ответа. Но, благодаря долларам, мы без досмотра въезжаем в Кызылординскую область Казахстана. За спиной остаётся Каракалпакстан, таинственный и мистический край, который молодёжь для краткости называет просто «КэКэ». Увижу ли я ещё эту землю, навсегда занявшую часть килобайтов моей памяти и кусочек моей души? Об этом знают только миражи.

Нет смысла подробно описывать наш путь по Казахстану, измеряемый американской валютой и километрами. Если запас бензина можно было пополнить, то запас долларов таял, как снег на опушке в погожий весенний денёк. Видя машину с ташкентскими номерами, в долю пытался войти каждый местный гаишник. Наше пребывание в казахской провинции, а точнее глубинке, длилось несколько дней. В основном по «вине» Темирхана.

Он позвонил мне, как только я оказался в зоне действия сети, и отчитал за то, что я усомнился в его дружбе.

- Скажите мне только одно: - Она с вами?

- Я заверил его, что со Светланой всё в порядке.

- Мой водитель сказал, что вы поехали в Казахстан. Бориса он отвёз в Ташкент и видел, как тот вошёл в американское посольство вместе с американским дипломатом. Один мой земляк служит начальником в Астане на железных дорогах. Думаю, он близко знает и таможенников с российской стороны. И ещё, я через узбекский МИД сделал для Светланы загранпаспорт с визой для въезда в Россию. Этот чиновник вручит вам и загранпаспорт тоже. Я хочу, чтобы она приехала в Россию на законном основании и не с пустыми руками. - И, помолчав, добавил. - Как вы думаете, Дмитрий, я выполнил свой долг перед её матерью?

- Думаю да, Темирхан-ака.

- Дмитрий Олегович, я давно заметил, когда вы чувствуете себя в чём-то виноватым, вы добавляете к моему имени «ака».

* * * * *

Благодаря участию Темирхана нам не надо было рисковать и переходить границу незаконно. Я отдал чиновнику последние деньги. Таможенники с двух сторон границы нас демонстративно обошли своим вниманием. Мы нищие, но счастливые, ехали по родной земле. Приезд в Москву меня не волновал, теперь у Светланы были все необходимые документы для въезда в Российскую Федерацию.

Одинокая фигура провожавшего нас Алишера долго маячила на перроне. Пока по мере удаления поезда не превратилась в точку. Я подумал, что можно поставить точку и в рассказе о наших злоключениях. Но я, к сожалению, заблуждался..

Светлана была сдержанна, хладнокровна и в то же время необычайно добра и участлива. От неё шёл какой-то внутренний свет, озарявший и тех, кто был рядом.

Да, - думал я, - вот такие и шли за декабристами на каторгу, бросая родовые поместья, самоарестовывали себя в революцию, превращая жизнь в цепь испытаний и лишений. Жаль только, что я не декабрист и не Колчак.

В пути несколько раз звонил Ник Нику, делясь радостью свободы и намечая наши шаги по реализации картин. Ник Ник предлагал встретиться меня на вокзале, но я отказался. Он не знал ничего про девушку, а я намеревался купить ей красивые вещи и потом представить ему. Уже предвидя его растерянный вид и удивление моей самой важной каракалпакской находке. Светлане я часто рассказывал о нём, его необычной квартире, напоминая комнату потерянных вещей 18-19 веков. Мне хотелось показать ей Москву и москвичей такими, какими знал и любил их я.

Поезд был в пути уже около 60 часов, когда, наконец, потянулись пригороды столицы. Заборы бетонные и деревянные, порой расписанные фашистскими призывами к расправе над приезжими из республик бывшего Союза. Зашарпанные складские бараки, грязные стены предприятий, давно забывшие слово «маляр». Всё выглядело так, будто приезжие проходят тест на крепость силы воли – «слабонервных просим удалиться».

«Граждане пассажиры, наш поезд.....».

Мы шли к выходу, я первым, заслоняя своим немаленьким телом хрупкую фигурку Светланы. Вдруг она вспомнила про косметичку, оставленную в купе, и быстро пошла назад.

№ 23. ХОТИТЕ НАПИСАТЬ ЧИСТУХУ?

Сойдя по инерции на перрон, я тут же оказался в окружении троих в штатском. Предъявив документы сотрудников милиции, они повели меня к зданию вокзала. Я не стал звать Светлану, понимая, что они тут же заберут и её.

Меня привели в комнату милиции. Сидевший за столом толстяк с лицом почитателя Бахуса, вышел, закрыв за собой дверь. Старший по возрасту, прокуренный с седыми висками, напоминая уставшего лаять сторожевого пса, сел за стол. Двое других, взяв стулья, сели с двух сторон от меня. Один широкомордый, курносый, похожий на голодного кабанчика, сопел и шмыгал носом, ещё больше усиливая сходство с домашним животным. Второй, самый молодой с длинным прямым носом и чёрными, торчащими в разные стороны волосами, напоминал грача.

- Хотите написать чистуху? Это уменьшит срок наказания, - хрипло гавкнул сторожевой пёс.

- Хотел бы вам угодить, но мне хочется отсидеть по-полной, - улыбнулся я.

- Героя из себя строить не обязательно, ломали и не таких. Потом сам захочешь всё рассказать, а будет уже поздно, мы узнаем всё и без тебя.

Кабанчик вывалил на пол содержимое моего чемодана и стал копаться в нём. Переворачивая вещи грязным мыском ботинка.

Сторожевой пёс, протянул мне пачку сигарет: - Кури.

Я привстал со стула, подцепил сигарету, и, со словами благодарности, откинувшись назад, упал, больно ударившись об пол.

Кабанчик, продолжая держать отодвинутый стул:

- Слышь, интеллигент, сральник поднял – место уступил, - он захихикал, как мне показалось, слегка похрюкивая.

Сторожевой пёс указал глазами на свёрток. Грач тут же встал и развязал его. На стол легли 40 холстов, аккуратно проложенных бумагой.

- Ваши щадевы?

- Картины мои, но это не «щадевы», - передразнил я его, - это российская авангардистская живопись начала и середины прошлого столетия.

Кабанчик, всё перекопав:

- Падло, где деньги? Говори или я из тебя сейчас...

- погоди, ты! Дмитрий Олегович сам расскажет, как воровал картины из музея в Узбекистане? Где его друг Борис Андреевич? Кому собирались продать картины? А главное, где деньги?

- Не отказываюсь от сотрудничества, но прошу вызвать адвоката.

Говорить буду только в его присутствии. - Я подумал, что тактика затягивания дела отвечает моим интересам. Но я ошибся.

Кабанчик внезапно ударил в живот. Я согнулся от боли. Грач приёмом свалил меня на пол и оба принялись бить ногами.

- Хватит его метелить. Сутки, Дмитрий Олегович, тебе на раздумья.

Если ничего не вспомнишь, мы тебя кончим. Как говорится, ничего личного, только бизнес.

Вошёл фанат Бахуса, и они с Грачом отвели меня в клетку, где уже находились бомж без половозрастных признаков и юноша лет двадцати кавказской внешности.

Фанат Бахуса вытащил из клетки вначале бомжа, затем юношу и, стукнув каждого дубинкой по спине, отпустил со словами «шоб я тебя больше не видел».

В «обезьяннике» было накурено, душно и стоял тяжёлый запах от его постоянных обитателей – людей, лишённых крыши над головой. У меня отобрали часы, и мозг мой, казалось, начал плавиться в этом безвременье и отсутствии кислорода. Нет, я не доживу до weekend в такой атмосфере. Как должно быть расстроятся мои похитители, когда найдут вместо меня высохшую мумию. Да, это, пожалуй, единственная неприятность, которую можно им причинить.

Мысли бежали, одна обгоняя другую, как лошади на скачках. Когда-то в молодости я часто посещал московский ипподром и делал ставки, иногда угадывая, иногда – нет. Завсегдатаями ипподрома были Броневои, Леонов, Гафт... Великие артисты. Кто-то и в моём окружении, как артист, играет роль друга и закладывает меня. Этот «артист», а может быть «артистка», знает много, но не всё. Что менты знали наверняка? У них была

точная информация о поезде, о картинах и их происхождении. Знали о существовании Бориса и наличии у него большой суммы денег. На кого сделать ставку как на друга, а кого прогнать как врага?

Предала Светлана? Ах, как не хотелось в это верить. Она сказала, что забыла косметичку и вернулась в купе, оставив меня одного перед арестом. Чтобы я не смотрел ей с укором в глаза? С другой стороны, искали Бориса, который сейчас пьёт кофе в американском посольстве. Они считали, что мы едем в одном поезде? Но Светлана знала, что в поезде его нет. Мой близкий друг Алишер? Про картины знал, про поезд знал... Ник Ник? Знал про поезд, про картины, про деньги, которые Борис вёз в Нукус. Не знал, что я еду со Светланой, не знал, что Борис поехал в Ташкент. Темирхан? Знал всё, но зачем искать Бориса, если он в Ташкенте?

Голова шла кругом от того, что я вынужден подозревать близких мне друзей.

То, что милиционеры – оборотни, не вызывало сомнений. Никаких официальных расследований они проводить не будут. Менты работают лично на себя и на заказчика. Поэтому так легко был определён срок отпущенной мне жизни...

Не знаю, сколько времени провёл в клетке, вдруг, дверь резко открылась, в помещение ворвались вооружённые люди в масках. Побледневшего толстяка, почитателя Бахуса, пинком подтолкнули к «обезьяннику», и он суетливо открыл дверь. Подхваченный под руки «масками», я через пару минут оказался на улице, под дождём. Меня быстро втиснули в машину, где почти всё пространство занимал своей крупной фигурой Ник Ник.

- С освобождением тебя. Извини, что не поднялся встретить наверх, но ты ведь знаешь, я не переносу никакого насилия, даже справедливого.

- Да, помню, помню про твои пацифистские дворянские гены.

Ник Ник, похлопывая меня по плечу, своей огромной мягкой ручищей, и согревая душу басом: - Ты не представляешь, Дмитрий, как я рад тебя видеть живым и даже, кажется, здоровым. Сейчас мы едем к тебе на квартиру.

По дороге Ник Ник рассказал мне, что ему позвонила с вокзала Светлана и сообщила о моём аресте и местонахождении. Она, увидев из окна вагона, как ко мне подошли трое в штатском, проследовала за нами и узнала, где я нахожусь.

- Вначале, я растерялся, - признался Ник Ник, - но потом, приехавшая ко мне Светлана, надоумила меня, к кому следует обратиться. И колёсики закрутились, - он заметил моё удивление, - да, да, именно Светлана, - повторил он, - она хорошо ориентируется в пространстве и во времени. Имей это в виду.

- Меня удивляет другое, я не давал ей номер твоего телефона.

- Значит, она срисовала его сама, на всякий случай. И хорошо сделала, иначе твоё бездыханное тело обнаружили бы грибники в ближайшем Подмоскovie.

- Грибники! – Усмехнулся я. - Ты какие слова ещё помнишь странные.

И, поди, ещё помнишь, как выглядит лесной гриб? Так вот, какой-нибудь приезжий строитель, перепрыгнув через придорожный кювет с целью отправления малой нужды...

- Нет, - весело забасил Николай, - тогда тебя бы вообще не нашли. Каждый приезжий рабочий знает, что если он о чём-то сообщит в милицию, то его первого и повяжут.

- Ну, тогда, значит лежу я себе не найденный, не опознанный в окружении лесных муравьёв и мирно отдыхаю с простреленным черепом. А муравьи думают, как им повезло. Не надо куда бегать, жратва, можно сказать, пришла к ним сама, точнее с доставкой.

- Николай протёр стёкла очков и продолжил уже серьёзно:

- Ты же знаешь мои связи в кругу московских коллекционеров и антикваров, я вышел на нужных людей, и меня связали с олигархом по прозвищу «Узбек». Завтра у нас с ним встреча или «стрелка». - Он немного помолчал и добавил: - Я дал ей ключи от твоей квартиры, которые ты всегда оставляешь мне на время поездок, но посоветовал сменить замки. Пока ты «бездельничал» в «обезьяннике», твою квартиру, естественно, обыскали.

№ 24. СТРЕЛКА. ОЛИГАРХ

На следующий день утром у Светланы поднялась температура, её знобило. Конечно, в таком состоянии она не могла ехать на встречу с олигархом.

- Хочешь, плюну на всё, не поеду ни на какую встречу. Правда, тогда я подведу Николая...

Светлана, внимательно посмотрев мне в глаза, словно определяя, смогу ли я действительно не поехать и махнуть на всё рукой:

- Нет, поезжай, ты не готов отказаться от встречи.

Вечером Ник Ник и я сидели в кабинете олигарха. Хозяин кабинета мужчина лет пятидесяти, восточной внешности удобно расположился в огромном кожаном кресле за массивным письменным столом, украшенным резьбой. По стенам в золочёных рамах висели старинные картины, изображавшие пейзажи.

- Голландская школа живописи, XVII век, – шепнул мне Николай.

С минуту олигарх, молча, буравил нас пристальным взглядом. Потом попросил вызвать начальника охраны.

- Вызывали, Атабек Шарифович?

- Расскажи нам, Кирилл Иванович, что там по делу картин из музея Савицкого.

- Вчера, по указанному адресу на вокзал выехала наша спецгруппа... Обнаружен и освобождён заложник - гражданин Цепелев... Все задержанные работники милиции дали признательные показания... Картины находятся у нас, их изучает эксперт-искусствовед...

Повествование начальника охраны я слышал фрагментарно, какие-то

куски доходили до сознания, какие-то пролетали мимо. Пока он не дошёл до слов...

- В ходе проведения следственно-розыскных мероприятий установлено также, что инструкции по совершению преступных действий, указанные работники милиции, получали от гражданки Щербаковой, учившейся в своё время с одним из них в школе в городе Костроме.

Услышав фамилию «Щербакова» и город «Кострома», Ник Ник покраснел, на лбу выступили капли пота, он достал носовой платок и виновато посмотрел на меня.

- Теперь слушаю вас, господа, - олигарх посмотрел на нас с деланным безразличием удава, подползавшего к жертве.

Мне пришлось изложить придуманную нами версию о том, что «изъятые» нами картины должны послужить поводом для возвращения полотен русского авангарда на историческую родину. Поскольку обеспечить их безопасность администрация музея в Каракалпакстане в настоящее время не способна.

Далее я рассказал о национальном и мировом значении коллекции. И добавил, что в Москву со мной прибыла дочь Савицкого, которая не может, сложа руки, наблюдать за гибелью галереи – созданной колоссальными усилиями её отца. При сообщении о дочери Савицкого, олигарх с нескрываемым интересом посмотрел на меня. Будучи образованным человеком и уроженцем Узбекистана, он, конечно, знал о Савицком, и наличие наследников удивило его.

Эстафета перешла к Николаю. Он изложил концепцию создания музея русского авангарда в Москве или в любом другом крупном российском городе под патронажем олигарха. Далее перешёл к задаче придания музею мирового статуса и увековечиванию имени олигарха, наряду с Павлом Михайловичем Третьяковым или Саввой Ивановичем Мамонтовым.

- А вообще, Атабек Шарифович, хватит вашему конкуренту яйца перед всеми катать. Выкупил за несоразмерно высокую цену несколько яиц Петера Карловича и набирает на них политические дивиденды. Здесь проект масштабнее будет, и воспитательное значение для молодёжи огромное. И опять же, выкупая коллекцию, вы окажете реальную помощь родному Узбекистану, внесёте вклад в восстановление Арала.

Чувствовалось, что мысль Ник Ника о нанесении политического удара по конкуренту пришлась олигарху по вкусу.

- Хорошо, с местными властями я договорюсь. Будем считать, что начало коллекции положено, я имею в виду 40 холстов, которые мои молодцы изъяли у милиционеров. Нужна рабочая группа экспертов – искусствоведов, которая отправится в Каракалпакстан для отбора первой партии картин и скульптур. Руководитель группы уже есть, - он улыбнулся, - лучшей кандидатуры, чем дочь Савицкого, я не вижу. – И, обращаясь ко мне:

- Вам я поручаю составить список группы для поездки в Каракалпакстан. Привлеките кого-нибудь из киношников, журналистов.

Надо через СМИ разогреть эту проблему. Обязательно включите кого-то из местных уважаемых людей. Составьте начальную смету расходов. Всё. Через неделю встречаемся.

№ 25. МОСКОВСКИЕ ФРАЕРА И ПТИЧЬЕ ГНЕЗДО

Мы уже встали, чтобы, поблагодарив «Узбека», покинуть кабинет, но он, выслушав какую-то информацию по внутренней связи, нахмурился и показал нам рукой, чтобы мы сели в кресла.

В кабинет вошёл искусствовед, работавший на олигарха. Увидев нас, он смутился, видимо не зная, как донести информацию до «Узбека», вслух при посторонних или конфиденциально.

- Говорите, говорите, все свои, – ухмыльнулся олигарх.

- Вынужден констатировать, Атабек Шарифович, что все картины являются копиями, хорошо выполненными, но копиями, подлинника нет ни одного, - и к нам с Николаем. - Как уважаемые коллеги не заметили этого, непонятно.

Анализ красок, грунтовки, единообразие холстов, манера исполнения, проверка подписей и т.д. и т.п. Каждой фразой он вбивал гвоздь в крышку гроба.

Нет смысла повторять, что мы услышали от «Узбека», его монолог в основном состоял из ненормативной лексики. Нам было поручено (точнее сказано, приказано) оперативно во всём разобраться и доложить.

Олигарх с уважительно-уничижительной интонацией нам в спину:

- А эта дочь Савицкого, кажется, та ещё штучка. Здорово провела вас – московских фраеров.

Ник Ник, покинув кабинет олигарха, без конца причитал:

- Позор, моя репутация, моя репутация. Как я, старый осёл поверил на слово твоей Светлане. Ничего не проверив, вышел на «Узбека». Позор! А все спрашивают, почему я не женюсь. Вот потому самому и не женюсь. - Он тут же достал мобильный телефон:

- Екатерина, надеюсь, что, вернувшись домой, я вас в квартире уже не застану. Ваша научная работа не диссертательна.

- Вот змея подколодная, - пожаловался он мне, - всё подслушивала и прикидывала, как обогатиться за счёт моих друзей. Да и сам я хорош, говорю много лишнего, особенно в постели, - и опять ко мне, - хотя, я вижу, ты тоже не молчун.

Войдя в мою квартиру, мы обнаружили на столе у компьютера письмо Светланы. Она просила прощения у меня и Николая. Писала, что не может предать дело отца. И музей - это её кровный брат, наследие Савицких. Она сообщала, что Борис увёз тоже копии, и просила уведомить его об этом. Мы не были первыми и, конечно, не будем последними из тех, кто покушается на коллекцию музея. Но я, по её словам, был самым интеллигентным и симпатичным из воров.

- Ты в детстве находил птичьи гнёзда? – обратился я к Николаю. -

Помнишь, как вела себя птица, чтобы отвести опасность от своего семейства? Она притворялась лёгкой добычей, ползла по земле, волокла крыло, она готова была пожертвовать собой, чтобы спасти гнездо... Вот и Светлана всеми правдами и неправдами уводила нас от музея - своего семейного гнезда.

В наше пресное время никто не хочет разгадывать загадки женской души, которая в среднестатистическом выражении намного содержательнее мужской. Все спешат вскрыть содержимое и узнать обо всём сразу. Только дано ли нам понять то, что мы узнали?

Судьба свела меня со Светланой. Я многое знал о ней, но так и не смог постичь загадку её души. Силу её характера, превосходящего в своей целеустремлённости наши, потрепанные эпохой, хваленые мужские качества.

№ 26. ВНОВЬ МИРАЖИ?

Вновь я лечу на стареньком ТУ-154. Он с трудом отрывается от земли в тот момент, когда я окончательно свыкся с мыслью, что мы так и поедем на нём, от Москвы до Нукуса, не взлетая. Все пассажиры нашего рейса мирно спят...

... И только я скачу на резвом ахалтекинском коне вдоль голубых широт полноводного Арала. Быстрая Амударья, окружённая густыми зарослями тугаев, спешит навстречу озеру, как засидевшаяся невеста на свиданье. Надо мной бескрайнее небо и вокруг, куда ни глянь - барханы песка и цветущие оазисы. Я скачу вдаль, за горизонт. Пустынный волшебный край, раз захватив мою душу, уже не отпустит её никуда, как не отпустил он Савицкого, Толстова, Светлану...

Стюардесса будит меня:

- Мы уже подлетаем. Пристегните, пожалуйста, ремень. Жалко было вас будить. Вы так сладко спали и улыбались во сне. Наверное, видели что-то очень хорошее.

СЛОВАРНАЯ СПРАВКА:

- 1) - зиндан – подземная тюрьма, темница в Средней Азии;
- 2) - дувал – глинобитная стена, забор вокруг поселения, усадьбы, дома;
- 3) - якши – ладно, хорошо;
- 4) - кечирин – прошу прощения;
- 5) - хечкиси ёк – всё в порядке;
- 6) - рахмат - спасибо.
- 7) – Tertium non datur (латинский) – Третьего не дано.

THE END

Краткая справка об авторе

Брисов Владимир Евгеньевич, год рождения – 1955, место рождения – город Москва.

Образование высшее – закончил литературный факультет Педагогического института (МОПИ им. Н.К. Крупской).

Работал: с «трудными» подростками – на базе интерната, преподавал в школе рабочей молодёжи, ВУЗах и ИПК, выпускал научную литературу в системе Общества «Знание», избирался Учёным секретарём правления московского общества «Знание», назначался на ответственные должности в ряд общественных организаций страны. Много ездил по Союзу, в том числе в «горячие точки» в качестве переговорщика, лектора.

С 1993 года занимаюсь предпринимательской деятельностью, потерял убитыми ряд друзей и близких людей в этой необъявленной войне.

Автор 2-х десятков научных работ, один из авторов учебника обществоведения для старших классов и т.д.

С 2009 года, пережив состояние клинической смерти, начал писать стихи и прозу. Хотя подбирался к этому давно, печатая стихи философско-религиозного содержания под псевдонимом ещё при социализме.

Роман «Идущий по кругу» М.: Издательство «Маска», 2009 год.

Сборник стихов «Пошутить захотелось судьбе» ГУП «Клинская типография» 2009 год.

Повесть «Сокровища Аралкума» (этнографический детектив) опубликована в журналах «Знак вопроса» № 1 за 2010 год, Издательство «Знание» и «Венский литератор» № 14, Вена, изд. «Соотечественник».

В 2010 опубликованы рассказ, эссе и подборки стихов в журнале «Русский глобус» США, литературной газете «Зарубежные задворки» (Германия), газете «Наша Канада» (Канада), газетах Украины, журнале «Литературный Башкортостан» (Россия).

Дауншифтер. Смысл жизни – творческое развитие и путешествия, вместо карьеры. Побывал почти в 40 странах мира, во многих неоднократно.

Верю в Бога – единого и неделимого для всех народов и в равенство всех людей на Земле.

Не сдавайтесь, друзья мои, даже если жизнь кажется полным дерьмом.

Вспомните ту лягушку, которая взбила из молока масло и выбралась из бочки.

*С глубоким уважением,
Владимир Брисов.*